

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

СЕРГЕЙ АНТОНОВ
В ИНТЕРЕСАХ РЕВОЛЮЦИИ

FUTURE CORP.

Метро

Сергей Антонов

В интересах революции

«АСТ»

2010

Антонов С. В.

В интересах революции / С. В. Антонов — «АСТ»,
2010 — (Метро)

ISBN 978-5-17-070890-1

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Сиквел романа «Темные туннели» удался Сергею Антонову еще лучше первой книги. «В интересах революции» – настоящий коктейль Молотова. Ингредиенты: лихо закрученный сюжет, зубодробительный экшн и точно прочувствованная постапокалиптическая атмосфера. Герой – анархист Анатолий Томский, поклонник легендарного Че Гевары, – верит в то, что в преисподней Московского метро 2033 года можно построить новое справедливое общество. Но призраки прошлого возвращаются и жаждут его крови...

ISBN 978-5-17-070890-1

© Антонов С. В., 2010

© АСТ, 2010

Содержание

В интересах читателей!	5
Часть 1. Явление мстителя	6
Глава 1. Счастливый отец	6
Глава 2. Комендант Берилага	14
Глава 3. Семья профессора Корбута	21
Глава 4. ЧК собирает гостей	28
Глава 5. Завещание профессора Корбута	37
Глава 6. Корбут во сне и наяву	44
Глава 7. Ich sterbe!	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сергей Антонов

Метро 2033: В интересах революции

В интересах читателей!

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

Роман «Темные туннели» Сергея Антонова был второй книгой в нашей саге «Вселенная Метро 2033».

Антонову удалось сделать почти невозможное: как только его роман увидел свет, все скептики, сомневавшиеся в том, что другие авторы могут успешно развивать мир, придуманный мной, примолкли.

Потому Сергей не копировал «Метро 2033» и не спорил с ним. Он просто вжился в шкуру своих героев и на долгие месяцы работы над романом переехал во «Вселенную» на постоянное место жительства. И он почувствовал ту самую уникальную атмосферу, которую многие считают главным достоинством моего самого первого «Метро».

Оказалось, что мир метро Антонова не отпускает. Сразу после того, как первая книга была завершена, Сергей взялся писать вторую. С тем же обаятельным героем – молодым парнем, анархистом и идеалистом Толей Томским, который все пытается упихнуть наш злой и нечестный мир в прокрустово ложе Идеи.

Толя – человек, который верит в то, что этот мир можно изменить. Судьба бьет его жестоко, но он поднимается и идет дальше. Во многих историях «Вселенной Метро» лейтмотив – отчаяние. Но только не в романах об Анатолии Томском.

«В интересах революции» тесно сплетен с «Метро 2033». Герои антоновского романа встречаются с героями моей собственной книги – бойцами Первой Интернациональной Бригады имени Че Гевары.

Вообще, романы «Вселенной Метро 2033» начинают интереснейшим образом сплетаться друг с другом. Вначале они были как кусочки мозаики, которые как бы просто лежали рядом, дополняя друг друга, но особо не соприкасаясь. Теперь же они начинают пускать ростки и корни, прорастать друг в друга и сживаться.

Мы наконец получаем то, что хотели мы, и то, что хотели вы: больше, чем просто книги про последствия ядерной войны.

Настоящий, живой мир 2033 года.

Дмитрий Глуховский

Часть 1. Явление мстителя

*«Мы не можем быть уверены в том,
что нам есть ради чего жить,
пока мы не будем готовы
отдать за это свою жизнь...»*

Эрнесто Рафаэль Гевара Линч де ла Серна

Глава 1. Счастливый отец

Станция Полянка была ярко освещена.

Непривычно ярко... Светильники, спрятанные за карнизами стен основного зала, беспощадно вытравливали со сводчатого потолка любой намек на тень. Белый мрамор колонн и путевых стен контрастировал с черным гранитным полом, таким чистым, словно его только что тщательно вымыли. Нигде ни трещины, ни царапины. Станцию будто час назад сдали в эксплуатацию. Казалось, если прислушаться, то в глубине туннелей можно еще различить голоса людей в синих комбинезонах, которые навели лоск перед торжественным открытием и теперь уходили наверх с чувством выполненного долга. К своим купающимся в солнечном свете домам и семьям, которые ждали их к ужину.

Толя остановился и подождал, пока не умолкло эхо его шагов. Ни звука. Полянка словно замерла в ожидании. В течение нескольких месяцев, проведенных в Полисе, Толя бывал здесь не раз. И вместе с Леной, и в одиночку. Самая загадочная станция метро притягивала его, как магнит. Нельзя сказать, что он полюбил Полянку. Любовь, как и ненависть, были чужды этой станции. Нравиться могла Войковская, где он вырос, вызывать восхищение – станции Полиса, а отвращение – Лубянка. Но Полянка – станция особенная. Вызываемые ею чувства были сродни навязчивой идее. Однажды посетив эту станцию, ты подпадал под ее мистическое влияние навсегда.

О Полянке ходило много слухов. В зависимости от авторства – самых фантастических или вполне объяснимых с точки зрения здравого смысла.

Военные-кшатрии были твердо убеждены в том, что чудеса Полянки вызваны утечкой галлюциногенных газов. Брамины Полиса были менее категоричны в своих суждениях и считали, что загадка Полянки с точки зрения науки неразрешима.

Простые путешественники, которые по разным причинам задерживались на станции, вообще не пытались что-то объяснить. Просто рассказывали о встречах с давно умершими родственниками. О существах, маскирующихся под обычных людей, но знающих все о прошлом и будущем человечества. О наблюдателях, для которых не существовало тайн. О могущественных соседях, способных изменить мир по своему желанию, но всегда занимающих нейтральную позицию и предпочитающих просто следить за мышью возней, которую жители метро называли своей жизнью.

Томскому не посчастливилось встретить на Полянке родных. Наблюдатели тоже не пожелали приоткрывать перед ним завесу грядущего. Единственная польза, извлеченная из загадочной станции, – возможность поразмышлять в одиночестве. Да еще без помех, не опасаясь чужих глаз и доноса, перечитывать «Записки революционера» Кропоткина.

Сын и воспитанник станции Войковской, давней анархистской вольницы, Анатолий Томский почитал патриарха идейного анархизма князя Петра Кропоткина чуть ли не своим духовным отцом, и «Записки» для него были как для иных сектантов – Библия.

Хотя князь Петр Алексеевич уже сто с лишним лет как усоп, для Толи он был вечно живой: он ни предложения не мог прочесть из «Записок революционера», чтобы не заспорить с патриархом или, наоборот, согласно не буркнуть что-то вслух. Поговорив так с Кропоткиным часок-другой, Толя возвращался в Полис духовно обновленным, уверенным в своей идеологической правоте. Этой уверенности ему хватало на день-другой, самое большее – на неделю бесед с кшатриями и браминами – воинами и хранителями знаний Полиса.

В Полисе к анархизму относились высокомерно, словно эта модель устройства общества была придумана шаловливым ребенком и кроме снисходительной усмешки заслуживала разве что подозрительного взгляда. Вообще-то в Толином положении ему было бы лучше не высываться и свои убеждения так ярко не проповедовать: Полис, как известно, граничит и с Красной линией, и с Четвертым Рейхом, так что к идейным там относятся настороженно.

Но Томский сдержаться не мог. За прошлое свое приключение почти утратив веру в анархизм, а заодно в человеческую совесть и доброту, Толя все же смог себя пересилить и оправдать старика Кропоткина. И теперь отказаться от родной идеологии казалось ему предательством самого себя, не говоря уже о Петре Алексеевиче. Поэтому терпеть и молчать у него никак не получалось.

И Томский искренне радовался, если в споре на Боровицкой или Арбатской ему удавалось разбить оппонента, переубедить того. Полис был хорош во многих отношениях. Недоставало ему, то есть его руководству, самой малости – смелости в принятии решений и отваги при выполнении намеченных планов. Словом, той самой бесшабашной анархистской удали, которой с избытком хватало на Войковской.

Холодная рассудительность членов Совета Полиса душила в Толе его природу – природу искателя приключений. Проснувшись иногда ночью, он все вспоминал лихой угон метропаровоза. Скучал по мрачным шуткам Аршинова и по дурацким выходкам изворотливого Краба. Что сказали бы его друзья, увидев диверсанта Томского, превратившегося в книжного червя и благонамеренного гражданина Полиса?

Да и «книжный червь»-то – слишком громко сказано. Толя работал на дезактивации книг, доставленных из Великой Библиотеки, и с трудом успевал даже прочитывать названия на обложках. Лене удалось устроиться лучше. Когда в Полисе узнали, что раньше девушка работала с книгами, ей сразу предоставили место за одним из столов, расставленных по платформе Боровицкой, и разъяснили обязанности: сортировать книги и газеты, которыми были забиты хранилища Полиса.

Всевозможные виды печатной продукции стекались в Город отовсюду. Их покупали в Ганзе, на Красной Линии, обменивали на еду и патроны там, где людям было не до книг. Особую ценность представляли тома, доставленные бесстрашными сталкерами из Великой Библиотеки и вообще с поверхности. Как раз они и проходили через Толины руки. Дезактивация фолиантов помогала избавиться от радиации, но не могла вытравить с обложек бурые пятна – иногда за знания приходилось платить кровью. С такими книгами Толя и Лена работали с особым благоговением, думая о том, удалось ли выжить человеку, добывшему бесценное вместилище знаний.

Размеренная жизнь только-только сросшейся семьи Томских почти вся состояла из работы. Анатолий давал книгам вторую жизнь, делал пригодными для дальнейшего использования, а Елена их сортировала, отделяла научную литературу от художественной, иностранную – от русской, испорченные плесенью и погрызенные крысами тома – от хорошо сохранившихся. Затем книги и газеты попадали в руки браминов, и те продолжали сортировку по своему усмотрению, то есть по степени значимости для Полиса, для всего метро. Конвейер по

отделению зерен от плевел заканчивался в хранилище на станции Библиотека имени Ленина. Там фолианты ставились на соответствующие, пронумерованные полки, и при первой необходимости нужная книга отыскивалась очень быстро.

Полезное занятие, но в то же время такое нудное! Лучше уж Полянка и милый сердцу, потрепанный томик, который можно не обрабатывать для других, а читать самому.

Томский ощупал вместительные карманы своего плаща. Почему-то сегодня он не прихватил сюда ни одной из любимых книг. Спичек тоже не было. Впрочем, разжигать костер на вычищенной до блеска станции он не стал, да и не смог бы из-за отсутствия топлива. Зачем же понадобилось приходить сюда? Что его привело? Толя прошел к торцу платформы и остановился у панно, изображающего счастливую молодую пару с ребенком. Все здесь имело философский подтекст. Пальмовая ветка в руке женщины символизировала мир на земле, малыш на плече отца – продолжение каждого человека в его потомках, а все они вместе – бессмертие человечества и радости семейной жизни. Создать такое панно мог только счастливый художник, думал Толя. Счастливый и наивный художник, не подозревающий о том, что очень скоро человечество лишится будущего, которое он так талантливо воспел.

Во время предыдущих посещений Анатолий не раз задерживался перед этим панно, изучая его в мельчайших деталях. Однако сегодня молодая семья, как и вся Полянка, выглядела немного иначе, как-то более торжественно, чем обычно. Золоченые фигуры празднично поблескивали на фоне ярко-красного флага. Ему вдруг показалось, что женщина махнула пальмовой веткой, словно подзывая к себе.

Сколько он слышал о том, что станция эта – Станция судьбы – говорит с иными своими посетителями. Слышал и не верил. Или верил? Мечтал верить, поэтому сбегал из Полиса с книжкой именно сюда, несмотря на все опасности. Томский хотел встретиться со своей судьбой и узнать ее ближе.

Снова качнулась ветка в руке молодой девушки. Затрепетал под порывами ветра флажок в руках у ребенка.

– Ты меня слышишь? – прошелестел чужой голос.

Началось...

Ему вдруг стало невыразимо страшно.

Томский почувствовал, что тело одеревенело и он не может сдвинуться с места. Яркие лампы в другом конце платформы начали гаснуть одна за другой. Станция стремительно погружалась во тьму. Ничего... Большинство из бывавших на станции говорили, что тут и нет никакого света.

Надо было собрать в кулак всю волю и не поддаваться панике. Уже в полной темноте Толик вновь услышал голос и понял, что его зовет Лена. Вспыхнул огонек мазутной лампы, и Томский увидел лицо склонившейся над ним жены.

– Да просыпайся же! – воскликнула она.

Сон... Приключение на Полянке оказалось сном! Как же он сразу-то не сообразил?!

Никто не стал бы драить нежилую станцию до зеркального блеска. Он был у себя дома, на Боровицкой, рядом с Еленой.

– Что случилось?

– Тебе не кажется, что тесновато?

– Тебе не кажется, что можно было подобрать момент и получше для этого разговора? –

Толя сел в постели и потер глаза. – Что за срочность? – Но вся его сердитость сошла на нет, когда он увидел мерцающую, летучую улыбку на Лениных губах.

– Как думаешь, у нас хороший дом? – спросила она каким-то мягким, округлым голосом.

Дом был хорош, но подтвердить это он мог бы и утром. Под жилье им выделили одну из комнатшек на Боровицкой, в заложенной красным кирпичом арке с деревянной дверью. Места не хватало, передвигаться по комнате одновременно было невозможно, но Лена не придавала значения мелким неудобствам. Это ничего: говорят, на Красной линии все, кроме партийного руководства, спят в общих бараках.

Оказавшись счастливой – пусть и временной – обладательницей отдельного жилья, Лена принялась вить гнездо. Она обустривала их быт старательно, не обращая внимания на возражения привыкшего к спартанской обстановке Толика. Торговалась с продавцами тканей неизвестного происхождения и назначения, которые теперь использовались жителями метро в качестве постельного белья. Получала несказанное удовольствие, когда удавалось добыть не простую алюминиевую посуду с неизменными вмятинами на боках, а настоящие фарфоровые тарелки и кружки. Ругала Томского, если тот забывал вытереть сапоги о коврик у входа. С упоением занималась уборкой.

Толик тоже принял посильное участие в обустройстве жилища. Дом есть дом, и ему не пристало быть безликим. Он не может быть похожим на другие комнатухи, устроенные в арках Боровицкой.

Задача казалась простой только на первый взгляд. На деле молодым супругам приходилось прикладывать уйму усилий, чтобы сделать из квартирки что-то большее, чем просто место для еды и сна. И им это с грехом пополам удалось. Толик мог с полным основанием гордиться и собственным семейным очагом, и его хозяйкой. Он даже согласился терпеть фаянсовый бюстик Ленина на прикроватной тумбочке. Время от времени Томский демонстративно поглаживал Ильича по лампообразной голове и ласково называл «вождем», вообще обращаясь с ним как с безгласным и безвредным домашним животным. Типа аквариумной рыбки.

Впрочем, Елена догадывалась, что упрямый Томский поступился принципами не только ради нее, хотя тот ни словом об этом не обмолвился. Если для бывшей комсомолки Ильич был напоминанием о счастливой жизни на красной ветке, то Толик испытывал чувство вины за то, что так поступил с настоящим телом покойного вождя пролетариата при угоне траурного поезда с Лубянки.

Глядя сонными глазами на поблескивающую в мазутном свете ленинскую лысину, Толик силился понять, к чему клонит Елена.

Отчаявшись дожидаться, пока тот додумается наконец сам, Лена покачала головой и расмеялась Толиной недогадливости.

– Думаю, что это будет мальчик... – сказала она.

Толик вскочил с кровати так порывисто, что лишь чудом не опрокинул жестянку с маслом и горящим фитилем.

– Ты...

Он хотел еще что-то сказать, но все слова разом вылетели из головы.

Вот о чем хотела сообщить ему Полянка, ниспославшая странный сон! Поток счастья вынес Толика и Лену на платформу, где он закружил возлюбленную в танце. Елена поняла: еще чуть-чуть – и будущий отец завопит так, что разбудит всю станцию, и зажала рот мужа ладонью.

Томский подхватил Лену на руки, отнес в комнату, уложил на кровать и прижался ухом к животу жены.

Толя своих родителей потерял в Катаклизм, и те немногие обрывки воспоминаний о семейной жизни, которые оставались в его душе, означали для него совершенное счастье, безмятежность, тепло. Он никогда не мог понять своих сверстников, которые обозленно или озабоченно бухтели, что их «баба залетела». Случилось бы такое с ним самим, думал Толя, вот было бы счастье! А тут еще от девушки, которую он так ярко любил, по-настоящему, впервые в своей жизни...

Доказывать будущему отцу, что месяц – слишком малый срок для того, чтобы услышать ребенка, было бесполезно. Он утверждал, что малыш уже шевелится, и до самого утра не отпускал Лену от себя дальше, покрывая ее лоб и щеки восторженными поцелуями.

Когда Боровицкая начала просыпаться, Елена не выдержала и прогнала обалдевшего от счастья Толика на работу, пообещав родить к его приходу. Шагая по еще безлюдной платформе, Томский улыбался. Он испытывал непреодолимое желание рассказать о том, что произошло, первому встречному. Однако редкие, пока еще сонные обитатели Боровицкой явно были не готовы к тому, чтобы разделить его счастье.

До своего трудового места, расположенного в западном вестибюле Арбатской, Томский летел как на крыльях. Работа, которую он еще вчера считал монотонной и нудной, сейчас казалась благословением.

Пункт дезактивации, или «ПД», как называли его профессионалы, представлял собой сложное из бетонных блоков и разделенное на три части помещение с трехлепестковой эмблемой радиации на входной двери. По разным сторонам первой комнаты располагались вешалки с чистой и рабочей одеждой, полки с респираторами и резиновыми перчатками, а также ведра с моющими растворами. Здесь же стоял небольшой, но довольно мощный дизельный генератор, питавший пылесос для обдувания книг. Обитая свинцовыми полосами дверь вела во вторую комнату. Тут высились стопки фолиантов, доставленных из Великой Библиотеки, и стол, на котором проходил первый этап дезактивации: один работник ПД подносил книгу, второй – переворачивал страницы, а Томский, вооружившись шлангом, сдувал радиоактивную пыль.

Проверка счетчиком Гейгера показывала, какие тома становились безопасными уже на первой стадии обработки, а какие нуждались в дальнейшей очистке. В третьей и последней комнате особо грязные фолианты подвергались обработке сухими гигроскопическими смесями солей и щелочей. Затем книги возвращались к Толику, под струю сжатого воздуха. Рабочий день заканчивался выносом чистых книг на платформу и тщательной уборкой помещения.

Профессия дезактиватора считалась опасной и оттого престижной. Томский и его товарищи получали все блага, которые мог предоставить им благодарный Полис: усиленный паек, лучшую одежду и обувь. До известия о беременности Елены Толик считал льготы неоправданно большими. Он с удовольствием променял их на право голоса в Совете Полиса. Но поскольку у него не было ни ученой степени, ни высокого воинского звания, ни длительного стажа беспорочной службы в Полисе, о такой привилегии Томскому оставалось только мечтать.

Толик быстро переоделся, натянул респиратор и включил рубильник генератора. К черту льготы! Они гроша ломаного не стоят в сравнении с самим фактом отцовства. Пусть его считают эгоистом, но отныне главной целью в жизни станет борьба за создание нормальных условий жизни драгоценному существу, которое Елена вынашивала под сердцем. Черт возьми... Идеи и идеологии вдруг начали казаться трепотней и мишурой в сравнении с чудом того, что в его любимой жене сейчас растет существо, наполовину сложное из Толика, а наполовину из Лены, что это существо будет его настоящим продолжением... Вдруг начало казаться, что куда важнее устроить счастливую и безбедную жизнь этому крохотному существу, чем перекроить и облагодетельствовать весь мир.

Подтянулись товарищи, но Толя уже так погрузился в свои планы, что забыл с ними поговорить: работал он быстро, как мог, молчал и улыбался счастливо, как идиот. С дневной нормой расправились куда раньше обычного. Какое-то время он ерзал на месте, потом запрокинулся домой, делая жалостливые глаза и объясняя, что есть неотложное дело. Товарищи смиловались, отпустили. Толя так спешил, что никак не мог попасть ногой в штанину.

Он станет отцом! А значит, должен как можно больше времени проводить с матерью своего ребенка. Если понадобится, сдувать с нее пылинки. Ну а в этом-то деле он профессионал!

Возвращаясь на Боровицкую, Толик всматривался в осунувшиеся лица встречаемых людей. Кто-то был просто сосредоточен, кто-то – откровенно хмур. А ему почему-то казалось, что все должны улыбаться. У многих из этих мужчин были дети, и они, черт возьми, были просто обязаны радоваться своему счастью! Что еще за скуотища и уныние? Откуда эти упаднические настроения? Жизнь продолжается!

Томский увидел художника, сидевшего у обшарпанного мольберта, и не смог удержаться от желания зайти ему за спину, подглядеть за тем, как тот рисует. Просто так, из озорства. А вдруг там что-то такое же прекрасное, как его сегодняшний день? Тогда он мог бы купить этот рисунок и подарить его Лене!

На листе с пожелтевшими краями был изображен мутант с узким и уродливо вытянутым, лишенным растительности черепом. Глубоко запавшие глаза, тонкий нос, плотно сжатые, едва намеченные двумя вертикальными черточками губы и остrokонечные уши. Тонкие пальцы сомкнулись на круглых прутьях стальной решетки. В глазах узника застыла бесконечная печаль.

Толик покачал головой и продолжил путь.

Вот она, творческая интеллигенция со своим виртуозным умением испортить человеку настроение! Каким же пессимистом, каким нытиком надо быть, чтобы сидя в гуще толпы, на самой безопасной станции Метро, изображать одиночество и отчаяние посаженного в клетку мутанта?

Но мрачные мысли рассеялись уже через минуту.

Рослый торговец с поразительно тупым лицом, обвешанный связками сушеных грибов, обозвал недомерком человечка в черной бейсболке, который едва доходил ему до пояса. Колоритный вид коротышки не мог не привлечь внимания скупающего торговца, а сам человечек с его скромной комплекцией производил впечатление незащищенного слабака. Казалось, каждый может обидеть его безнаказанно.

Однако недомерок оказался не по росту прытким. Не успел мордастый верзила как следует посмеяться над своей шуткой, как карлик, словно подброшенный невидимой пружиной, подпрыгнул и повис на нем, ловко обхватив кривыми ногами торс обидчика. Руки человечка остались свободными, и он тут же ими воспользовался: пальцами одной руки сжал, словно тисками, нос торговца, а другой влепил ему звонкую пощечину. Поглазеть на поединок Давида и Голиафа собралась целая толпа зевак. Они с удовольствием наблюдали, как карлик с удивительной сноровкой хлещет противника по щекам свободной рукой, приговаривая:

– Чтобы я тебя здесь больше не видел, урод. Встречу – яйца оборву, понял?

Симпатии собравшихся зевак явно были на стороне ловкого и смелого лилипута. Его подбадривали и советовали не тянуть и незамедлительно проделать с торговцем обещанное.

– М-м-м! М-м-м! Пу-у-усти! – заныл обескураженный здоровяк.

Лицо его побагровело, глаза выпучились. Он запрокинул голову, пытаясь освободиться. И, наконец, сообразил что делать. Схватив обидчика за шкуру, он оторвал его от себя, поднял над головой и встряхнул, как щенка или котенка. Но тут из носа торговца хлынули потоки крови, и он был вынужден зажать его ладонью. Вид здоровяка, которого трясло от гнева, обиды и унижения, был страшен... Коротышка же, воспользовавшись удобной позицией, внешней стороной стопы ловко хлопнул его по уху сначала с одной ноги, потом с другой. Толпа бурно реагировала на происшествие. Торгаш взревел, как раненый зверь, и Томский понял, что должен вмешаться, иначе карлику придет конец.

– Ладно, Вездеход, хватит с него! – сказал он и решительно шагнул вперед.

Перехватив руку верзилы в запястье, Толик начал поджимать ее в локте открытой ладонью вперед до тех пор, пока боль не вынудила торговца разжать пальцы. Коротышка ловко приземлился на обе ноги и, потирая руки с видом проделавшего хорошую работу человека, недовольно кивнул Томскому:

– Спасибо, Толян. Я бы и сам справился.

Не обращая внимания на торгаша, зажавшего обеими руками покрасневший нос, человек посмотрел на Томского снизу вверх и протянул ему руку для пожатия. Толик крепко стиснул маленькую ладонь, с удовольствием заметив, что карлик ответил ему тем же: хватка у него была сильная, мужская.

Довольные представлением зрители начали расходиться: всем было ясно, что торговец не станет связываться с Томским, за которым закрепилась репутация человека решительного и опасного.

– На ловца и зверь бежит, – несколько раз с довольным видом покивал лобастой башкой коротышка. – Я как раз к тебе шел. Дело есть на сто патронов.

– Давай, выкладывай.

Вездеход засеменил рядом с Томским, ничуть не отставая. Короткие и кривые ножки не мешали ему передвигаться с поразительной быстротой. В отличие от ног торс коротышки был развит пропорционально – просто уменьшенная копия туловища взрослого человека. Лицо человека выглядело бы почти мальчишеским, если бы не глаза. В них видны были и опыт, и бесстрашие. Бледная кожа резко контрастировала со спадавшей на гладкий лоб иссиня-черной прядью волос.

На Вездеходе была удачно перешитая, облегающая мускулистую фигурку камуфляжная форма, к которой очень подошли бы сапоги на шнуровке. Однако отыскать обувь такого размера было невозможно, и карлику пришлось довольствоваться добротными детскими ботинками. Наряд дополняли брезентовая, перешитая из плаща куртка и черная бейсболка, а скарб умещался в рюкзачке, висевшем на спине.

Так выглядел Николай Носов, прозванный Вездеходом за умение пролезть в любую дыру и доставить послание в любую точку метро. Вездеход без преувеличения являлся одной из легенд подземного мира, чья удачливость вошла в поговорку.

Уродом Носов стал в утробе матери, которая в период беременности получила внушительную дозу облучения. Стоит ли говорить о том, что за выживание и право занять в метро свое место ему приходилось бороться с удесытеренной энергией. Перенесенные в детстве испытания закалили этого человека, сделав его настоящим мужчиной. Вездеход научился компенсировать маленький рост ловкостью, которой позавидовали бы многие обладатели нормального телосложения.

Он пользовался уважением на любой станции, а один факт бывало и вовсе приводил незнакомых с Носовым людей в священный ужас: когда Вездеход расстегивал верхнюю пуговицу своего кителя, становились видны круглые, диаметром в полсантиметра, шрамы, по всем прикидкам означающие раны, с жизнью несовместимые.

Сам карлик не распространялся о том, кто оставил на нем эти следы, однако знающие люди говорили, что во время одного из многочисленных странствий Николай угодил в страшную ловушку, которые устраивала по всему метро некая загадочная секта. Ловушка эта представляла собой хорошо замаскированную яму с рядами острых деревянных кольев на дне, не оставлявшими свалившемуся вниз бедолаге ни малейшего шанса на выживание. И лишь один Вездеход сумел вырваться из цепких лап смерти, выжить и без всяких там последующих фобий продолжить свои странствия по самым диким уголкам подземного мира...

– Короче, нужна твоя помощь, Толян, – заговорщическим тоном сказал Вездеход, отойдя с Томским подальше от толпы. – Я ведь не просто в Полис пришел, а именно к тебе.

– Чем могу, помогу, Вездеходик. Чем могу... – без видимого энтузиазма кивнул Томский.

Он еще не знал, о чем попросит его Носов, а в душе уже зародились недобрые предчувствия. Вездеход достаточно самостоятелен для того, чтобы самому разобраться со своими проблемами, и все же просит о помощи. Значит, дело серьезное и наверняка опасное...

Еще вчера Томский, страстно мечтавший о новых приключениях, охотно пошел бы за Вездеходом в огонь и воду.

Вчера. Но сегодня он отвечает не только за себя, не только за жену. Маленькое существо, живущее в чреве Елены, не дает ему права принимать решения, которые могут стоить Анатолию жизни.

– Ты слышал о Берилаге, Толь?

– Берилаге? Нет, не слышал. Кто это?

– Не кто, что. Исправительно-трудовой лагерь имени товарища Берия. Место, где красные содержат инакомыслящих, предателей и нищелюбов – всех тех, кто мешает строить в метро коммунизм.

– У красных есть свой концлагерь? Я никогда не слышал о таком... У Рейха, я знаю...

– Красные более практичны, чем фашисты, и стараются придать своим станциям праздничный вид. Поэтому весь человеческий мусор у них хранится отдельно, на конечной станции Линии. Там же и утилизируется...

Толя не мог поверить своим ушам. К красным он относился неоднозначно, но допустить, что те уподобились Рейху и сгоняют нищих и несогласных в лагерь...

Но что Томский тут может поделать? В такой истории не обойтись дерзким налетом, ничего не решить удачно спланированной диверсией. Этим делом должны заниматься политики. Дипломаты. Те, кто за права человека борются, как там их зовут... В общем, выход один.

– Я сегодня же переговорю кое с кем из Совета Полиса... – решительно начал Томский.

Вездеход отмахнулся от него рукой и посмотрел Анатолию в глаза молча, разочарованно.

– Полис не станет вмешиваться. Они еще помнят войну с красными. Ты что, думаешь, они вот так за здорово живешь полезут ворошить осиное гнездо? – горько усмехнулся он.

– А тебе-то что в этом гнезде искать? – спросил Толя.

– Брата.

– Какого еще брата, Вездеход? – удивился Томский. – Ты это образно или развести меня на слезу хочешь?

– У меня есть брат, – глухо и твердо произнес Носов. – Близнец мой. Гриша. Он уже в Берилаге черт знает сколько времени гниет. За то, что карлик. По справедливости. Я сколько лет бился, чтобы его оттуда достать, – не выходило. Только хуже стало. В последнее время он попал на прицел к головорезу, который лагерем командует. Зовут Чека этого коменданта. Через него уже много народу погибло... Теперь вот, значит, моего брата очередь подходит. Не знаю, за что Чека на Гришу моего взелся... В общем, если его оттуда не вытащить сейчас, хана ему. Знаю, задача тяжелая, невыполнимая. Поэтому я к тебе и шел. Если не ты, то кто? Все остальные против тебя – трусливая мелюзга...

Вездеход сделал паузу и застыл в ожидании ответа.

– Понимаешь, Вездеходик, – вздохнул Томский, – ситуация маленько изменилась. У меня жена ждет ребенка... Поэтому, извини... Как-то так...

Коротышка с ироничной улыбкой посмотрел в глаза Томскому, сдвинул бейсболку на затылок и с видом полного понимания покивал лобастой головой:

– Поздравляю, Толян. – Носов крепко пожал Томскому руку. – Рад за тебя. Считай, что предложения не было... Ладно, пора мне. Еще встретимся и поболтаем.

Толя хотел остановить Вездехода, но тот уже успел скрыться в толпе. Оно и к лучшему: выдержать насмешливый взгляд маленького человечка было нелегко.

Что же происходит в этом метро, будь оно трижды проклято?

Почему благополучие одних не может дать покоя другим? И отчего он, Томский, получив от судьбы свою дольку счастья, должен думать о несчастьи других и чувствовать себя предателем?

Глава 2. Комендант Берилага

Товарищ Москвин работал над очередным воззванием к общественности в оборудованном под личный кабинет отдельном вагоне. Так думали секретари и адъютанты, и так сообщалось всему окружению.

На самом же деле Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Московского метрополитена имени В.И. Ленина просто сидел на неудобном стуле для посетителей напротив своего обычного места, вперив тяжелый взгляд в портрет Ильича, который висел над его массивным столом. Смотрел и думал, насколько же счастливей его, Москвина, был его учитель.

Ведь Ленин поймал революционную волну на самом ее подъеме, встал во главе первого советского правительства и руководил партией в непредсказуемых обстоятельствах гражданской войны, интервенции и послевоенного хозяйственного строительства. Теория классовой борьбы находила тогда блестящее подтверждение: коммунисты побеждали на всех фронтах! Учение Маркса всесильно, потому что оно верно! Это его слова, Ленина! Какое это счастье – искренне верить во что-то и находить подтверждение этой веры в жизни.

А вот Москвина этой веры лишили.

Хуже того, пошатнули веру в самого Москвина.

Сколько бессонных ночей провел он, работая над своими воззваниями в те времена, когда в метро царил хаос... Сколько сил было потрачено для того, чтобы склеить из обломков КПРФ жизнеспособную даже в новых условиях, готовую сражаться до победы партию. И как же быстро все забывают, что именно он, товарищ Москвин, выиграл войну с Ганзой! Выиграл не бессмысленной автоматной пальбой, а хитростью, расчетом, дипломатией.

И вот теперь его государство – самое большое, самое справедливое, самое организованное в метро – могло запросто рухнуть, будто свод того туннеля, взорванного подонками-анархистами. Справки с именами этих тварей, подготовленные Комитетом, лежали у Москвина на столе. Аршинов и Томский.

На следующее утро после гнусного теракта, совершенного анархистами, Москвину доложили о ходе работ по расчистке участка перегона Проспект Маркса – Библиотека имени Ленина. Двигалось дело медленно. Генсек опять слышал жалобы на нехватку рабочих рук, но понимал, что проблема заключается совсем не в этом. Не хватало главного – энтузиазма. Того самого огонька, с которым строил свою узкоколейку Павка Корчагин. Революционного пламени в сердцах. Самоотречения, аскетизма, жертвования собой во имя идеи и азарта, с которым рубали беляков полураздетые и голодные красноармейцы. Да и как зажечь это же пламя в человеческих сердцах в наши дни?

В душе товарища Москвина бушевала буря, но лицо его оставалось спокойным, бесстрастным. Сейчас он выглядел именно так, как его изображали на многочисленных плакатах, украшавших станции Красной Линии. Ширококостный и крепкий, будто отлитый из чугуна, кряжистый мужичина. Обширный лоб украшает рельефная вмятина, траншеями бегут глубокие морщины, образовавшиеся от напряженных раздумий о народном счастье. Узкие, чуть рыжеватые брови, серые глаза, которые в зависимости от ситуации могли и наполняться мудрой лукавинкой доброго дедушки, и зажигаться неугасимым огнем фанатичного борца за светлое будущее всего прогрессивного человечества. Крупный, напоминающий перевернутый кверху ножкой шампиньон, нос, мясистые губы и массивный, словно в спешке вырубленный каменным топором подбородок вполне соответствуют короткой шее генсека, надежно насаженной на могучий торс. На неудобном стуле сидел не человек, а памятник, от которого веяло спокойной силой и непоколебимой уверенностью в себе. Это были качества, за которые так ценили Москвина его соратники.

Однако стоило человеку-монументу пошевелиться, как наваждение исчезло. Москвин нахмурился, подошел к столу, выключил и включил настольную лампу под зеленым абажуром. Взъерошил непослушные волосы, обрамлявшие круглую лысеющую голову. Они почему-то не желали слушаться расчески и после каждой встречи с ней возвращались в прежнее положение.

Генсек взял со стола очки, протер стекла. Опущенные уголки его губ выдавали накопленную за последнее время усталость. Усталость, прорывавшуюся в раздражение всем и вся.

Москвин приблизился к портрету Вождя. Ленин, словно прослышав о плачевном положении дел метрокоммунистов, с ласковым задором во взгляде смотрел на своего верного ученика, как бы спрашивая: «А чего это вы, батенька, раскисли? Забыли разве, что революцию не делают в белых перчатках?»

Не выдержав взгляда Вождя, Москвин виновато опустил голову и перевел глаза на свой портрет маслом, висевший по соседству. Старенький художник изобразил лидера Коммунистической партии Метрополитена в лучших традициях соцреализма – на фоне первой арки станции Площадь Революции. Он постарался придать чертам Москвина сходство с лицами парочки бронзовых красногвардейцев, присевших в неудобной позе под гранитным сводом согнувшей их красной дуги. Получилось очень даже неплохо: в такой компании генсек смотрелся убедительно.

Обычно Москвин подолгу мог разглядывать свое изображение – полуснисходительно, но и с некоторым самолюбованием. Но тут в животе заурчало: за думами о былом и грядущем Вождь опоздал пообедать. Кинув на портрет критический взгляд, Москвин направился в специально отгороженный под персональную столовую отсек вагона. С удовольствием обглодал приготовленные для него пороссячьи ребрышки и опорожнил тарелку грибного салата, залив все поверху двумя рюмками отличного самогона тройной очистки.

Рядовые члены партии, не говоря уж об обыкновенных жителях метро, о таких деликатесах могли лишь мечтать. Но Генсек ЦК КПММ, конечно уж, был необыкновенным человеком.

Москвин следил за своей фигурой, поэтому завел традицию прогуливаться после еды. Перед тем как покинуть помещение, он выглянул в окно. Часовой, дежуривший у правительственного вагона, заметив, как дернулась красная шторка, вытянулся в струнку и пружинистым взмахом руки отдал честь. Когда Москвин, открыв дверь, спустился на пути, страж с собачьей преданностью устоял на генсека в ожидании приказаний. Не обращая внимания на готового лопнуть от перенапряжения солдата, Генсек, ссутулившись, прошелся вдоль поблескивавшего в тусклом свете фонарей красного бока вагона.

Сейчас, в мирное время, вагон вождя Коммунистической партии Метро размещался на ветке из двух путей, у развилки неподалеку от станций Площадь Революции и Александровский сад. Ничего, что обе станции находились формально за пределами Красной линии: Ленин тоже больше любил Женеву. А Площадь Революции имела для Москвина огромное значение. Эта станция, расположенная вблизи Мавзолея, была его главным личным трофеем в войне между коммунистами и Ганзой.

Именно здесь Москвин принимал подъезжавших с самой Красной линии на дрезинах членов Политбюро, тут оглашались решения, которые служили руководством к действию на всех станциях Линии. Жизнь в этом уголке метро, где даже своды туннелей имели не полукруглое, а ромбовидное сечение, была особенной. И конечно же бурлила. В обычные дни высокопоставленных посетителей было так много, что у охранников руки отваливались от постоянного отдавания чести.

Сегодня в туннеле царила мертвая тишина. На всем его протяжении, насколько хватало глаз, через каждые пятьдесят метров стояли молчаливые часовые, а лозунг, написанный на длинном отрезке кумача и натянутый на стене напротив вагона, был как никогда актуален. Товарищ Москвин призывает к бдительности! Вот уже две недели охранники на постах в тун-

нелях, ведущих к штаб-квартире генсека, несли службу в усиленном режиме. Причиной тому была очередная провокация отщепенцев-троцкистов... Не троцкистов даже, а чекеваровцев!

Да, самое возмутительное, что эти отщепенцы имели наглость называть себя Первой Интернациональной Красной Боевой имени товарища Эрнесто Че Гевары бригадой! Москвин именовал их Бригаду иначе, и куда короче – банда! И банда эта, используя марксистскую терминологию, совершенно распоясалась!

Когда-то Бригада была летучим партизанским отрядом, который на стороне Красной линии сражался с фашистами Рейха и иногда трепал Ганзу. Беда была в независимости Бригады: к Красной армии она прямого отношения не имела, и когда Москвин официально заявил о примирении с Рейхом, чекеваровцы не подумали слушаться. У них с фашистами шла своя война, личная. Помозговав, генсек решил бунтарей не вешать, а прикармливать. Он публично отрекся от Бригады, заявив, что та ему больше не подчиняется, но втихую продолжал снабжать партизан горючим и боеприпасами. Пусть лучше кусают фашистов, чем сеют смуту дома. Политика.

Но в последнее время Бригада стала совсем уж отбиваться от рук. Несколько раз Москвин через своих людей открытым текстом запрещал ей те или иные диверсии – больно уж были неподходящие моменты. Чекеваровцы будто ничего не слышали. И прокол коммунистов с траурным поездом Ленина довершил полное разложение Первой Интернациональной. Эта веселая компания, разъезжавшая по метро на мотодрезине, объявила об окончательном разрыве с партийцами ввиду явных идеологических расхождений.

После того как Москвин попытался завернуть чекеваровцам кран снабжения, отказав в дозaprавках и продовольствии, те оборзели вконец. Они стали врываться на отдаленные от центра станции Красной линии, «экспроприруя» все, что заблагорассудится.

Русаков, командир группы, уже не делал различия между коммунистами и фашистами, а его база на Автозаводской стала подобием анархистской Войковской. Правда, от Нестора и его вольницы Русаков тоже держался особняком, считая себя и своих бойцов, ни много ни мало, последними настоящими революционерами.

Крысы побежали с корабля. Белорусская-радиальная, которая раньше вроде бы сочувствовала коммунистам, лишь зачуяв, что власть коммунистов поослабла, тут же стала назойливо оказывать любезности Ганзе, а документы эмиссаров Красной линии проверять с оскорбительной тщательностью. По метро поползли слухи о крупном займе, который руководство Белорусской получит от Содружества станций Кольцевой линии в качестве награды за дальнейшее охлаждение отношений с коммунистами.

И только-только наметившееся сотрудничество с Рейхом из-за Первой интернациональной застопорилось. Фашисты не хотели больше верить, что Москвин сотоварищи не могут приструнить распоясавшихся чекеваровцев, решив, что красные ведут двойную игру. А уж после истории с метропаровозом и вовсе задрали свои арийские носы, поняв, что коммунисты даже на территории Красной линии не могут навести порядок. Какие из них союзники? Больше похоже на лакомый кусок для стервятников.

Москвин продолжал размышлять, вглядываясь вглубь туннеля. Да, охранники все так же тянулись во фронт, партийное окружение все так же подобострастно лизоблудствовало, а народ синхронно рукоплескал на демонстрациях, но...

Проницательного политика было непросто обмануть.

Все это делалось по инерции, в счет его прошлых заслуг, и кредит доверия быстро иссякал. Пьедестал, занятый Москвиным сразу после исхода человечества под землю, еще не шатался, но уже дал первые заметные трещины.

Внешние угрозы были только частью общего кризиса. С этой стороны баррикады враги были известны, так же, как и меры, которые следовало применять по отношению к ним. А вот с внутренним врагом разобраться было куда как сложнее. Система, выстроенная по образу и

подобию КПСС, не оставляла шансов споткнувшемуся лидеру: ближайший из тех, кто оказывался рядом, тут же втыкал нож в спину дорогому и горячо любимому «хозяину».

Генсек не без оснований подозревал, что первое же неудачное публичное выступление даст противникам его политики, толстобрюхим лишенцам, засевшим в Интерстанционале, отличный повод обрушить на руководство компартии шквал критики. Поэтому последнее время он старался не появляться на людях без необходимости. Однако дальше так продолжаться не могло. Товарищ Москвин решил действовать. Возвращать, понемногу отвоевывать былой авторитет, а для этого – прижимать к ногтю моральных уродов, твердивших на каждом углу о том, что стальная москвинская хватка ослабла.

И подготавливая свое наступление на оппозиционеров, Москвин решил встретиться с человеком, которого раньше не подпустил бы к себе и на пушечный выстрел.

С Чекой, комендантом Берилага.

Этого человека побаивались самые отчаянные головорезы, хотя ничего особенного для этого он вроде бы не делал. Правда, ходили слухи о каких-то подозрительных медицинских опытах на территории вверенного ему объекта. Однако слухи это были непроверенные и ничем не подтвержденные.

Когда Чека предложил генсеку свою помощь, тот поначалу просто отмахнулся. Но те немногие из соратников, которым Москвин безоговорочно доверял, настоятельно рекомендовали ему встретиться со зловещим комендантом лично. И Москвин согласился. Чем черт не шутит? Как-никак покойный папаша Чеки умел не только строить планы, но и воплощать их в жизнь. Если уж тот за что-то брался, то вцеплялся в дело намертво, как лагерная овчарка. Говорят, яблоко от яблони недалеко падает. А если сынок и впрямь пошел в отца... Кто знает? Товарищу Москвину сейчас нужны союзники.

Из дальнего, темного конца туннеля донеслось характерное побряхтывание моториссы. Москвин поспешил вернуться в вагон и занять место за своим столом. Дрезина со скрежетом остановилась на соседнем с вагоном пути. Разговор с охранником, проверявшим у посетителей документы, закончился на удивление быстро. Генсек намеревался раскрыть наугад одну из папок и подпереть лоб ладонью, чтобы встретить гостя в позе величавой задумчивости, но не успел сделать и этого. По ступеням стальной лестницы застучали каблуки. В вагон не вошел, а скорее влетел молодой человек в прорезиненном плаще с капюшоном – темно-сером и наглухо застегнутом.

– Вызывали, товарищ Москвин? – произнес он таким хриплым голосом, словно был простужен.

Генсек выдержал паузу, исподтишка рассматривая посетителя. На первый взгляд, тот не представлял собой ничего особенного. Но только на первый.

Выше среднего роста. Рыжие волосы до плеч, не по уставу. Высокий лоб, узкое и продолговатое лицо – бледное, как у всех, кто вырос под землей. Это лицо выглядело бы несколько женственным, если бы не жесткие складки у губ и глубоко запавшие льдистые голубые глаза.

У молодого человека была неприятная привычка – не мигая, смотреть прямо в лицо собеседнику, словно гипнотизируя взглядом. Это неожиданно выбило у генсека почву из-под ног. А тут визитер еще взял и присел на край москвинского стола. Более того, запустил руку в коробку с его папиросами, выудил одну, прикурил, блаженно затянулся и выпустил дым к потолку вагона.

– Сядь сюда, – как можно суровее произнес генсек, указывая рукой на стул для посетителей. – Ты не у себя на объекте.

Посетитель пересел так стремительно и бесшумно, словно двигался не человек, а привидение.

– Я слышал, что у тебя, комендант, есть план, способный окончательно и бесповоротно склонить чашу весов на нашу сторону. Идея, которая позволит Партии поставить на колени все метро.

Эту фразу Москвин произнес со слышимой насмешкой: если уж мне, отцу народов, не удалось придумать ничего путного, то куда уж тебе, сосунок? Генсек ожидал увидеть на лице коменданта лагеря обиду, но тот вдруг нагло улыбнулся, демонстрируя ряд поразительно мелких и острых зубов.

– Начнем с того, товарищ Москвин, что вы палец о палец не ударили, чтобы изменить общую ситуацию в нашу пользу, – тоном обвинителя произнес он. – Прячетесь от жизни здесь, в уютном вагоне, сочиняете меморандумы и делаете вид, что все еще способны управлять компартией.

Москвин вскочил, как ошпаренный, лишь чудом не пробив головой потолок вагона.

– Да как ты смеешь, сопляк? Вон!

Чека пренебрежительно улыбнулся:

– Оставьте эти театральные жесты для безмозглой толпы, Москвин. Меня вскакиваниями да подпрыгиваниями не проймешь. Лучше уж выслушайте правду, какой бы горькой она ни была. Кроме меня вам ее все равно никто не скажет... Так будете слушать или мне уйти?

Неожиданно для себя гранитный генсек сдался и опустил глаза, чтобы не встречаться взглядом с визави, но легче от этого не стало. Теперь он видел тонкие, нервно скребущие зеленое сукно скатерти пальцы, похожие на лапы паука, добравшегося до застрявшей в тенетах мухи. К тому же в пепельнице дымилась брошенная гостем папироса, придавая ей сходство с пробудившимся от спячки вулканом.

Чека заговорил.

Рассказал, какая обстановка на периферийных станциях: моральное разложение, буйство спекулянтов, расцвет черного рынка, диссидентство и самиздат, разгул ганзейских спецслужб и внедрение агентов Рейха. В двух словах обрисовал брожение в ближнем круге генсека – назвал пофамильно несколько человечков, которых Москвин считал старыми друзьями, которые возглавляли важнейшие направления в партдеятельности и которым следовало бы возглавить расстрельные списки, если Чека говорил о них правду. Картина выходила удручающая: Красная линия, того и гляди, могла распасться на куски, покатиться отдельными станциями, как за полвека до нее – СССР. Красная линия – тень глиняного колосса, сказал Чека.

Он обвинял, убеждал, призывал к активным действиям, а генсек не находил ни сил, ни слов, чтобы возразить. Он мрачнел все больше: парень говорил правду, и был, похоже, действительно единственным человеком в окружении генсека, который не боялся эту правду ему сказать. Что теперь с ним сделать? Схватить и бросить в тот самый лагерь, который минуту назад находился в его подчинении? Или...

– Баста! – хлопнув по столу ладонью, но при этом опять-таки не глядя собеседнику в глаза, рявкнул Москвин. – Я и сам все это знаю! Что дальше?

– Пусть все сохнут, – улыбнулся Чека.

– Что ты... – вскинул брови Москвин.

– Мне известно место, где хранится вирус, вызывающий одно презабавное заболевание. Смертность – без лекарства – приближается к ста процентам. А лекарство от него будут иметь только верные нам люди. Компартия получит в руки оружие, с помощью которого сможет диктовать свою волю всему метро. Два-три очага инфекции, и заткнутся все крикуны, а те, кто продолжают вопить, захлебнутся своей кровью. Если понадобится, мы отправим контейнеры с вирусом на каждую станцию, очистим метро от всей мрази и построим на обломках этого дрянного мирка новое светлое будущее!

Выслушав предложение Чеки, Москвин воспрянул духом. Молодой человек теперь казался ему похожим на самого Павку Корчагина – своей целеустремленностью, фонтанирую-

щей энергией и полным отсутствием внутренних противоречий. Что ж, пришли тяжелые времена, пора опираться именно на таких фанатиков. Фанатизм – движущая сила истории! Кто-то называет подобных людей пассионариями, кто-то сумасшедшими. Какая разница? Главное, они отличаются от смирившихся с действительностью обывателей уверенностью в собственной правоте и желанием действовать. План Чеки – или как его звать, ЧК? – неплох.

Но вот только этот молодой человек сам не остановится. Для Москвина таинственный вирус – подарок судьбы, но лишь как инструмент давления. Конечно, старик не станет истреблять весь народ метро... Вирус нужен, только чтобы приструнить непокорных... А вот этот паренек и на самом деле заразит все станции подряд, методично, одну за другой, и не станет при этом мучиться угрызениями совести.

Москвин ободряюще оскалился коменданту, а сам при этом вспомнил слова Ленина после встречи с Махно: «Хороший попутчик, но только до первого поворота».

Владимир Ильич знал, что говорил, и понимал, что делал. Так будет правильно поступить и с Чекой. Использовать на определенном этапе, а использовав, аккуратно устранить. Проверенных способов хоть отбавляй: можно судить за предательство, организовать несчастный случай или просто пристрелить в темном туннеле без суда и следствия.

Товарищ Москвин торжественно поднялся со своего места и крепко пожал Чеке руку.

– Мне нравится твой план, товарищ комендант, – произнес с расстановкой генсек. – Считай, что коммунисты Красной Линии всецело с нами. Соответствующее решение проведем через ЦК, но это формальность. Что потребуется для выполнения задания партии?

– Вирус хранится на поверхности. Тот, кто вскроет хранилище, неминуемо заразится и станет носителем.

У Москвина по спине пробежали мурашки, и он поежился.

– Ты собираешься пожертвовать нашими людьми? Или кем-то из своих подопечных?

– Ни то, ни другое. Мне, так же как и вам, дорог каждый член партии. А мои, как вы изволили выразиться, подопечные слишком слабы, чтобы проделать такой трюк. Заразу с поверхности доставит преступник, заочно приговоренный партией к смерти и прячущийся от нашей мести в Полисе.

– Ты кого имеешь в виду? – Генсек прощупал цепким взглядом нервное лицо коменданта, и его вдруг осенило. – Томский?

– Так точно. Этот отморозок безропотно пойдет туда, куда я прикажу ему.

– Но почему ты раньше не...

– Мне нужен ученый, – не обращая внимания на удивление Москвина, продолжал Чека, – ученый, который участвовал в разработке вируса и знает, как с ним обращаться. Но все это – мои заботы. От вас мне потребуется только разрешение на полную свободу действий. И ведь я его уже получил, не так ли? – Он обнажил свои мелкие зубы в хищной улыбке.

Дежуривший у вагона охранник никак не мог отделаться от чувства смертельной опасности, которое будили в нем прибывшие с посетителем сопровождающие: двое парней лет тридцати на вид, о «подвигах» которых он был наслышан. Эти двое на первый взгляд разительно отличались друг от друга. Первый был розоволицым, двухметрового роста альбиносом с красными глазами и подбородком, напоминающим формой острие штыковой лопаты. Картину довершали легкие, как пух, и почти прозрачные волосы, а также едва заметные серебристые ресницы и брови. Второй – смуглый, выбритый до синевы и стриженный «под ежик» жгучий брюнет из племени квадратнолицых. Его густые, черные брови, наоборот, соединялись над переносицей в одну линию, а волосы казались жесткими, как стальная проволока.

Оба молодчика вели себя спокойно, иногда даже одаривали охранника вежливыми, но словно натянутыми на лицо резиновыми улыбками. И все же тому было не по себе. Он пару раз откашливался, собираясь обратиться к спутникам коменданта, но что-то внутри мешало ему заговорить первым, а эти двое явно предпочитали помалкивать. Да и вообще, оба выглядели

как наемные убийцы. Хорошо, при входе на станцию у всех посетителей оружие изымалось... Хотя эти мордовороты в оружии вряд ли нуждались. Судя по виду, они способны были разорвать человека на части голыми руками.

Полчаса прошло в напряженном молчании, и когда, наконец, из правительственного вагона вышел сияющий и несказанно довольный собой комендант Берилага, охранник с облегчением вздохнул: слава богу, все кончилось мирно. Он и не подозревал, что товарищ Москвин только что дал приказ о подготовке военных действий в масштабах всего метро.

Оставшись один, генсек протянул руку к телефону и набрал короткий внутренний номер. – Берзина ко мне! – командным тоном произнес он в трубку. – Как нигде нет? Разыскать!

Глава 3. Семья профессора Корбута

Как ни спешил Толя увидеть Елену, он все-таки развернулся и двинулся в торец станционного зала, к переходу на Арбатскую. Совет Полиса должен знать о том, что творится на Красной линии. Концлагерь – это уж слишком. В метро! В тесном мирке, где каждому человеку каждую секунду грозит опасность! Разве мало того, что врагами жалкой горстки людей становятся голод и жажда? Разве недостаточно атак чудовищ с поверхности и подземных монстров? Разве не хватает угроз со стороны полоумных сектантов, готовых разорвать на куски любого чужака просто ради развлечения? Все метро, рукотворная преисподняя, и есть сплошной концлагерь... Как можно устраивать новый кошмарный круг в этом аду? Когда такое вытворяли фашисты, занимавшие всего-то три станции, это было постыдно, омерзительно, но вообразимо. Когда концлагеря начинали создавать коммунисты, полноправные хозяева целой ветки, это становилось нестерпимо.

Шагая по межлинейнику, Томский уже точно знал, кому сообщит о концлагере. Полковник Сычев был одним из членов Совета, уважаемым кшатрием, к голосу которого прислушивались. А еще – одним из немногих руководителей Полиса, считавших Толика своим другом. Бывший десантник, Сычев руководил секцией рукопашного боя. Он являлся автором оригинальной концепции самообороны без оружия и считал Томского одним из самых талантливых учеников.

Отыскать Сычева было делом непростым – тот был вечно занят то на тренировках, то на бесконечных совещаниях. Однако сегодня Толе повезло. Он застал полковника в окружении группы старых вояк. Поседевшие в многочисленных передрягах псы войны просто болтали, вспоминая былые дела и погибших товарищей. Похожие друг на друга, кряжистые, с обветренными и грубоватыми лицами, они и говорили одинаково – короткими, рублеными фразами.

Томский не стал вмешиваться в разговор, а просто остановился в сторонке, дожидаясь, пока Сычев заметит его сам. Через несколько минут полковник встал и направился к гостю с широкой улыбкой на хитроватом лице.

– А-а-а, мама анархия, папа стакан портвейна? Здорово-здорово. Что, давненько не попадал под прессинг? Поразматься пришел?

Увидев сосредоточенное выражение на лице Толика, полковник перестал улыбаться.

– Случилось чего?

Томский в двух словах изложил суть проблемы и уже в середине своего короткого рассказа по недовольному виду кшатрия понял, что сам факт существования Берилага для того не новость и не тайна. Выслушав сообщение Томского, Сычев хмыкнул, достал из кармана потертый кисет, обрывок бумаги и принялся сворачивать самокрутку.

– Что ж, это в их стиле... Берилаги, Гулаги... Аврал, Беломорканал, – произнес он, всецело сосредоточившись на своем важном занятии. – Сталинские штучки. А тебя, я вижу, все-рьез зацепило?

– А тебя нет? – возмутился Томский.

– Остынь! – буркнул Сычев и, прикурив, разогнал ладонью клубы махорочного дыма. – В это дело Полис вмешиваться не станет. Может, со стороны мы и кажемся мечтателями, но на самом деле здесь живут прагматики, парень. Прежде чем предпринять что-либо, Совет просчитывает каждый шаг и лишь после этого действует. В метро полно неотложных дел, в которые действительно следует вмешаться. Никаких Полисов на это не хватит. Предлагаешь объявить войну Красной линии? Лично я – за! Полковник Сычев хоть сейчас готов ввязаться в эту заваруху. А вот член Совета Полиса Сычев – категорически против. Никаких войн! Если идти на конфронтацию по любому поводу, скоро довоюемся до того, что всех нас по пальцам можно будет пересчитать. Здравомыслие, Томский, обязывает! Не забывай, ты теперь живешь

в Полисе – священном сердце этого треклятого подземелья. И этого сердца за всех болеть не хватит. Тут тебе не Войковская. Так что давай без эмоций и самодеятельности.

– Ну-ну, все ясно... Трезвый расчет и никаких лишних телодвижений, – с горечью констатировал Томский. – О своем контингенте печетесь...

– Точно, забота об людях... – с ударением на последнем слоге в слове люди произнес Сычев. – Да не убивайся так. Ну, чего ты с лица-то сбледнул? Доложил и спасибо. Считай, что принято к сведению. Как там твоя Ленка?

– Спасибо, хорошо.

Томский понял, что последний вопрос задан для формы и означает окончание разговора. Пожал полковнику руку и отправился восвояси.

Доложил и ладно. Свою миссию он выполнил и может с чистой совестью вернуться к беременной жене и тихо-мирно дожидаться рождения своего сорванца. Войны и стычки теперь не для него. Да здравствует мир! Пусть себе брат Вездехода томится в заключении, пусть художник рисует грустных мутантов за решеткой. Отныне дело анархиста Томского – сторона. У него есть семья, работа, усиленный паек и все необходимое для того, чтобы лет этак через десять получить место в Совете, состариться в Полисе и начать призывать будущих сорвиголов к рассудительности и здравомыслию.

Занятый своими грустными размышлениями, Толик и сам не заметил, как добрался до Боровицкой. Теперь настроение ему могла поднять только Елена.

Он попытался отыскать жену взглядом, но увидел, что ее место за рабочим столом пусто. Стопки книг, развернутая подшивка старых газет да парочка браминов в серых балахонах, ожесточенно спорящих об относительности времени и пространства. Скорее всего, Лена уже дома. Ведь сейчас у нее появилась масса чисто женских, связанных с беременностью проблем. Заглянув к себе в закуток и не найдя там жены, Томский вновь вернулся к ее рабочему столу. Елена там так и не появилась, и Толик решил дождаться ее, машинально перелистывая подшивку пожелтевших газет и прислушиваясь к научному бреду хранителей.

Прошло полчаса. Под ложечкой у Томского ныло все сильнее, все тревожней.

Встав из-за стола, он вдруг заметил сложенный пополам листок бумаги. Возможно, это была просто закладка, но сердце у Толи сжалось, а по спине побежала волна холода. Он развернул листок. Буквы прыгали перед глазами, и прочесть написанное удалось не сразу. Когда же до Томского, наконец, дошел смысл записки, он вынужден был опереться руками о стол, чтобы не упасть.

«Любимая! Нам нужно срочно встретиться. У меня беда. Сам прийти не могу, жду тебя на Полянке. Т.».

Считанные секунды потребовались Толику на то, чтобы понять: его почерк подделан, записка подброшена, а Елена, толком не разобравшись в ее содержании, испугалась за Толю и убежала на Полянку. Ловушка!

Томский развернулся на месте и бросился к выходу.

Расталкивая толпу, он бежал по платформе в конец перрона, туда, где зияло отверстие туннеля. Даже не заметив приставной металлической лестницы, он спрыгнул на рельсы и помчался вдоль сложенных у путевой стены коротких шпал и груд битого кирпича.

Дежуривший на сотом метре пограничник в зеленой фуражке успел лишь удивленно взглянуть на Толика, когда тот вихрем пронесся мимо цементных блоков КПП. Томский даже не стал расспрашивать, проходила ли здесь Елена: разговор отнял бы драгоценное время, которого и без того осталось очень мало. Если произошло чудо и жена осталась на Боровицкой, он просто заглянет на Полянку и вернется обратно.

Освещенный участок туннеля закончился. Лишь теперь Томский понял, что в спешке забыл о фонарике, но без колебаний продолжал бежать наугад. Ему хватало чувства туннеля и шпал под ногами. Вскоре глаза привыкли к темноте, и Томский смог различить впереди будку путевого обходчика, остатки побелки на ее кирпичных стенах и стальную дверь с едва заметной светящейся надписью «ПД-43».

Он собирался проскочить мимо очередной будки, не снижая скорости, но неожиданно налетел на неизвестно откуда взявшееся препятствие. Падение, удар лицом о шпалу. Ослепительная, как молния, вспышка, разноцветные круги перед глазами. Соленый привкус крови во рту. Несмотря на сильное головокружение, Томский попытался подняться, но удар по спине вернул его в горизонтальное положение. Новый удар – такой силы, что перехватило дыхание, – пришелся под ребра. И все это – в полной тишине. Потом вспыхнул свет фонарика, и когда Томский смог приподнять голову, он увидел великана в сером прорезиненном плаще. Тень от надвинутого на лоб капюшона скрывала глаза, а вместо рта и носа у создания была чернота.

Толик изо всех сил старался не поддаваться панике, однако в голову полезли дурацкие байки о разгуливающих по метро безликих чудовищах-големах. «Спокойно! – приказал себе Томский. – Возьми себя в руки! Демоны не владеют приемами рукопашного боя. Маскарад и дешевые трюки!»

В темноте позади кто-то произнес:

– Отбегался парень. Гиви, свяжи этому спортсмену руки.

Нет, не демоны – люди. Но облегчения от этого мало. Если Толик позволит связать себе руки, тут ему и крышка. Следовало действовать без промедления. Надо сконцентрироваться только на одном – встать на ноги. Причем – проделать это так быстро, чтобы не оставить человеку по имени Гиви ни секунды на раздумья. Он ведь обязательно наклонится, чтобы выполнить приказ. И тогда...

Как только Томский понял, что это произошло, он резко перевернулся на спину. Черная повязка, скрывающая рот и нос, стала мишенью для удара, в который Толик вложил все силы. Н-на!

Гиви, охнув, отшатнулся.

Когда Толя вскакивал на ноги, прямо перед его лицом, со свистом разрезая воздух, мелькнула что-то тонкое и блестящее. Он даже не успел понять, что струна-удавка только чудом не обвила его шею – настолько сосредоточился на Гиви. Точный удар пяткой в голову опрокинул верзилу на спину, его серый плащ распахнулся. Ага! Заткнутая за брючный ремень заточка с длинным трехгранным лезвием и рукояткой из обрезка гофрированной резины была как раз тем, что требовалось. Томский резким движением выдернул оружие и, не разворачиваясь, наобум ткнул назад. Раздался вопль: стальное жало вонзилось в ляжку второго нападавшего. Яростно шипя, тот попятился, вырвав заточку из раны. Почувствовав движение за спиной, Толик, не оборачиваясь, ударил локтем в голову успевшего оклематься Гиви и выпрыгнул на середину туннеля, чтобы видеть обоих противников. Он ожидал продолжения драки, но ошибся. Гиви растерянно мотал головой, а его товарищ зажимал пальцами рану на ноге.

– Мы еще встретимся, Томский, – прошипел он. – Сам приползешь к нам, тварь! На карачках!

Преследовать покидавшую поле боя парочку у Толика не было сил. Когда тьма поглотила две фигуры в серых плащах, он привалился спиной к стене и медленно сполз по ней на пол туннеля. Кто эти люди? Откуда они знают его? И куда должен приползти?

Куски мозаики складывались в картину: кто-то обманом вызвал его жену на Полянку, похитил ее и выманил вслед за ней самого Томского – чтобы совершить на него покушение. Надо идти вперед! Шатаясь, он с трудом поднялся на ноги и двинулся к Полянке. Чтобы добраться до станции, ему потребовалось не меньше получаса. Слишком долго для того, чтобы

кого-то там найти. И все же кое-что Толик обнаружил: в самом начале платформы белел обрывок бумаги, придавленный кирпичом.

Томский отыскал в кармане спички. Судя по свежим пятнам на листке – следам крови из раны на ноге дружка Гиви, – послание предназначалось именно ему. Когда Томский развернул записку, то первое, что бросилось в глаза, была монограмма в виде букв «Ч» и «К», обвитых куском колючей проволоки. Лаконичный текст раскрывал секрет клички коменданта Берилага. Две таинственных буквы оказались аббревиатурой, сокращением имени и фамилии.

Спичка погасла, но Томский даже не заметил этого. Итак, враг не истреблен. Он просто переродился и ждал своего часа, чтобы ударить в тот момент, когда Томский станет наиболее уязвимым.

Зарывав, молодой человек ударил кулаком в стену туннеля с такой силой, что в кровь разбил костяшки пальцев. Несмотря на темноту, семь слов записки словно полыхали у него перед глазами: «Встретимся на Лубянке. Искренне расположенный, Чеслав Корбут». Это было приглашение, от которого нельзя отказаться...

В тот момент, когда Томский обдирал в кровь кулаки в ярости от собственного бессилия, виновник его бед блаженствовал в своем кабинете на станции Улица Подбельского. В помещении царил полумрак. Огонек керосиновой лампы едва пробивался сквозь закопченное стекло, освещая безмятежное лицо сына профессора Корбута. В нем не было ни намека на фанатизм и наглость, так поразивших недавно не склонного к сантиментам товарища Москвина.

Чеслав Корбут сидел в кресле с вытертой на подлокотниках обивкой и поглаживал спину белого пушистого зверька, свернувшегося калачиком у него на коленях. Существо длиной сантиметров в сорок имело пушистый хвост, короткие полукруглые уши и умильную мордочку с розовым носом и черными глазенками. Животное это выглядело бы как обыкновенная ласка, если бы не одно обстоятельство: воздействие радиации наградило его двумя лишними лапками.

– Шестера, девочка моя, – ворковал Корбут. – Только ты одна у меня и осталась. Вокруг одни дураки и сволочи. Ну ничего, подружка, прорвемся. Мы им еще покажем, кто здесь хозяин.

Грозный комендант Берилага находился в прекрасном расположении духа, и главной тому причиной была его любимица. Когда шестилапая ласка была рядом, страсти, бурлившие в груди у Чеслава, затихали, и kloкочущий котел эмоций на время остывал. В такие минуты Корбуту хотелось только одного: не видеть людей, смотреть на тлеющий огонек керосинки и чувствовать ласковое тепло Шестеры у себя на коленях как можно дольше.

Под потолком комендантского кабинета висели две мощные люминесцентные лампы, но комендант пользовался ими только во время работы. С раннего детства яркий свет вызывал у него острые приступы головной боли и непреодолимое желание крушить все, что попадалось под руку. От этого недуга Чеслава не смог вылечить даже отец – ныне покойный профессор Михаил Корбут, поэтому размышлять и строить планы начальник Берилага предпочитал в полутьме.

В последнее время все его мысли занимал именно погибший отец. Довольно сложные, если не сказать напряженные отношения между гениальным ученым и просто талантливым сыном-хирургом остались в прошлом. Когда-то Чеслав не мог простить отцу своего вынужденного прозябания в тени гения. Теперь эта обида казалась мелкой и несущественной. Трагическая гибель профессора под колесами угнанного анархистами метропаровоза все расставила по своим местам. Позволила сыну понять, насколько сильна была его любовь к отцу. Боль утраты засела в сердце острой занозой, не давая забыть о себе ни на секунду.

Чеслав никогда не испытывал привязанности к себе подобным и никому, даже отцу, не поверял своих сокровенных мыслей. Теперь, после смерти единственного близкого существа окончательно отделив себя от человечества, он стал ненавидеть всех и вся. Темная пропасть, в которую превратилась душа Корбута-младшего, надежно скрывала от посторонних все его

тайные замыслы. Они копошились в его мозгу, как змеи. Сворачивались в клубки и распрямлялись, чтобы жалить врагов.

Коменданта Берилага не смог раскусить даже удивительно проницательный Москвин. За привычной трескотней о благе компартии он не разглядел главной цели, которую преследовал молодой Корбут. Единственной настоящей целью замысла Корбута-сына была месть убийцам Корбута-отца. Мысленно Чеслав не раз подвергал тех, кто погубил отца, самым изощренным пыткам, заставлял их умирать в страшных конвульсиях. Карандашные портреты угонщиков метропаровоза, развешенные по всей Красной Линии и на дружественных красным станциях, ежедневно напоминали ему о кровных врагах: Томском, бывшей лубянской комсомолке Елене и прапорщике Аршинове. Однако, несмотря на солидное вознаграждение, обещанное за поимку преступников, арестовать их и доставить на Лубянку так никому и не удалось. Чеслав сходил с ума от ненависти, сознавая, что Томский со своей подругой счастливы и находятся под защитой Полиса, а кризис красной идеологии и снижение авторитета Москвина не оставляли ни малейшей надежды на то, что врагов выдадут благодаря дипломатическим переговорам. По этой же причине Чеслав не мог действовать самостоятельно. Похитив граждан Полиса, он неминуемо навлек бы на себя гнев руководства компартии и, возможно, лишился бы своего поста и безграничной власти над заключенными. Власти, которой очень дорожил.

Выход подсказал покойный отец. Он, пусть и мертвым перстом, указал сыну верный путь. Разбирая бумаги профессора в разгромленной анархистами лаборатории на Лубянке, Чеслав наткнулся на потрепанную папку с грифом «Секретно». В ней хранились материалы о вирусе, который когда-то был разработан группой ученых в секретных лабораториях КГБ. В свое время работы над проектом «Немезида» были приостановлены лично генеральным секретарем КПСС Андроповым. Испытания в Средней Азии так напугали разработчиков, что проект был свернут навсегда. Однако через некоторое время на архивные записи напал Корбут-старший, в то время еще непомерно амбициозный безусый лаборант. Втайне от начальства оживил замороженные разработки, был застигнут за запрещенным занятием и вынужден вновь все свернуть. Собрал все в папку и отложил до лучших времен. И вот эти времена наступили – для его сына. Чеслав раскрыл заветную папку, и с ее страниц тень отца подсказала ему путь мести.

Ящик Пандоры, запечатанный личным приказом генсека ЦК КПСС, будет открыт по велению его наследника. Красной линии требовалось сверхоружие – и она его получит. Последствия доставки в метро вируса мало волновали коменданта Берилага. Пусть умрут сотни и тысячи никчемных людишек. Чеславу было важно только одно: среди этих тысяч должны быть несколько человек, повинных в гибели профессора Корбута. Они – главное. Смерть остальных – побочное явление. И только отомстив, Чеслав сможет обрести покой и вернуться к своим неспешным научным исследованиям в области тератологии¹.

Размышления ЧК были прерваны самым неожиданным образом: вскрикнув от неожиданной боли, он вскочил с кресла. Ловко вывернувшись из рук Чеслава, Шестера шлепнулась на пол и юркнула под металлические стеллажи, стоявшие вдоль стены кабинета. По своему опыту Корбут знал: искать зверька теперь бесполезно. Шестера отыскивала в стене какую-то дыру и убегала от хозяина всякий раз, когда ей вздумается.

Ласка не в первый раз кусала коменданта за пальцы, и эти маленькие шалости ей прощались. Однако Чеслав никак не мог избавиться от ощущения, что настроение капризной любви-мицы меняется не просто так. Очень часто коменданту казалось, что приступами агрессивности у Шестеры руководит некий невидимый, скрытый во тьме наблюдатель. Что он не перестает следить за ним ни в первую половину суток, ни во вторую и только и ждет, чтобы напасть и

¹ Тератология (греч.) – наука об уродствах.

перерезать ему горло столовым ножом или его же любимым скальпелем. И только с большим трудом Чеславу удавалось отогнать себя эту мысль, да и то не всегда.

Побег Шестеры означал, что время отдыха закончилось. ЧК включил верхний свет, погасил керосиновую лампу и, усевшись за рабочий стол, обработал пропитанной самогоном ваткой кровоточивший палец.

Теперь стали видны детали интерьера рабочего кабинета коменданта. На стеллажах не было книг. На полках поблескивали большие и маленькие стеклянные банки. Часть из них была накрыта тряпками, а в остальных...

От содержимого этих банок бросало в дрожь даже двух безбашенных садистов-помощников. А уж сам владеец сосудов снискал славу если не воплощенного дьявола, то уж точно ближайшего из его подручных. В стеклянных банках с формалином хранились части тел людей и животных, изуродованных радиацией. Руки и ноги с лишними и недостающими пальцами. Сплюснутые и чрезмерно вытянутые головы. Искривленные дугой позвоночника горбунов. Подернутые пленкой катаракты глаза. Зародыши с различными степенями отклонений от нормы.

Чеслав приходил в ярость, если кто-то из его приближенных осмеливался называть эту коллекцию музеем уродов. Сам он предпочитал использовать куда более нейтральное название – Кунсткамера. Комендант Берилага не считал себя садистом, напротив, был глубоко убежден: его научный подвиг будет по достоинству оценен потомками, если таковые появятся. Даже в том случае, если люди когда-то выйдут на поверхность, чтобы остаться на ней навсегда, его открытия будут им полезны и, возможно, помогут ликвидировать последствия длительного пребывания в аномальной среде Метрополитена.

Дождавшись, пока пораненный палец перестанет кровоточить, Корбут выдвинул ящик письменного стола и достал из-под кипы бумаг фотографию улыбчивого офицера в эсэсовской форме. Узнай кто-нибудь о том, что тайным кумиром коменданта Берилага был сам Йозеф Менгеле, главный врач немецкого концлагеря Освенцим, Чеславу не поздоровилось бы. Да, втайне с новым, нынешним Рейхом сотрудничать было можно, но признаться в преклонении перед древним архиврагом советского коммунизма... За такое в лучшем случае – лубянские казематы. В лучшем.

Чеслав нежно провел пальцами по фотографии. Менгеле – всего лишь банальный преступник, убийца по призванию? Глупости! Ложный посыл! То был истинный сверхчеловек среди тварей дрожащих! Просто иногда научный поиск, как и религия, требует жертв, и доктор принес их, не дрогнув, на алтарь знаний. Нет, не садист он был, но Великий Любопытствующий! А это – первый признак настоящего ученого. Не каждому исследователю предоставляется такая возможность расширить границы познания, и грех было ею не воспользоваться. Просто приходит время, когда титанам мысли нужно плюнуть на условности и выйти за периметр общепринятых взглядов. А изуверскими его опыты могут считать лишь дилетанты.

Истинное значение научного подвига Менгеле Корбут-младший осознал, лишь прочитав одну из книг в обширной библиотеке отца. Он хорошо запомнил аргументацию автора. Выступая в защиту Менгеле, тот в качестве примера привел изобретателей аспирина – ученых знаменитой немецкой фирмы «Байер». Она тоже, наряду с другими германскими предприятиями, использовала для проверки своей продукции узников Освенцима. Однажды, работая над новым снотворным, фармацевты «Байера» запросили у руководства концлагеря для своих научных опытов сто пятьдесят человек. Уже через неделю им потребовалось еще сто пятьдесят узников. Спрашивается, что случилось с первой партией? И кто помнит сегодня об этих невольных первопроходцах медицины? Смерть всегда подпитывает жизнь, и наоборот. Страдания одних приносят облегчение другим. Любой, кто думает иначе, – лицемер и ханжа.

Раздался стук в дверь. Чеслав быстро спрятал фотографию под стопку бумаг и с шумом задвинул ящик.

– Войдите!

Дощатая дверь распахнулась. На пороге стояли подручные коменданта Берилага и одновременно сотрудники его собственной тайной полиции – Гиви Габуня и Мартин Лацис. Для них не существовало невыполнимых заданий. В свое время эти бывшие контрразведчики Красной линии слишком часто нарушали дисциплину и субординацию, за что и были с позором изгнаны из рядов партии. Их не единожды могли расстрелять за наплевательское отношение к обязанностям и превышение полномочий (а если называть вещи своими именами, откровенный садизм). Их искренне ненавидела вся красная ветка. И только коменданту Берилага удавалось их контролировать. Гиви и Мартин не боялись ни Бога, ни черта, но готовы были беспрекословно исполнить любой приказ Корбута-младшего, под крылышком которого чувствовали себя в безопасности. А он иногда в шутку называл их именами спутников Марса – Фобос и Деймос, то есть Страх и Ужас.

Приближенными коменданта они стали, возможно, еще и потому, что природа сыграла с Габунией и Лацисом странную шутку. Смуглому и черноволосому латышу Мартину больше подошла бы роль южанина, и наоборот, красноглазый альбинос Гиви никак не тянул на грузина. Несмотря на разность типов и мастей, оба порученца выглядели как сказочные двое из ларца, одинаковые с лица. Наверное, их роднило зверское выражение физиономий.

Сейчас Мартин стоял впереди, в смущении пряча глаза и поеживаясь под пристальным, тяжелым взглядом Корбута. Правая нога брүнета была выше колена обвязана пропитанным кровью обрывком тряпки.

– Проходите-проходите, – Чеслав с многообещающим видом поманил подручных указательным пальцем правой руки. – И рассказывайте, голуби мои, где были, что делали.

– Девчонка доставлена, – с напускной бодростью отрапортовал Лацис.

– Мы хотели сделать сюрприз, – подхватил Габуня, – и заодно притащить сюда самого Томского, но...

– А этот орешек оказался вам не по зубам, так? – Комендант грохнул кулаком по столу. – Было приказано только передать ему записку! Сколько раз повторять: я ненавижу сюрпризы!

Как видно, опасаясь перспективы оказаться в числе экспонатов Кунсткамеры, парочка попятилась к двери, но Корбут неожиданно успокоился.

– Ладно, так и быть, прощаю. Томский придет к нам по собственной воле, – заявил он уверенно. – Сам приползет. Теперь наша главная цель – Владимир Дарвинович Кольцов. Этого ученого-расстригу надо доставить на Лубянку. Буду счастлив поговорить с ним в отцовской лаборатории. Все поняли? – Габуня и Лацис одновременно кивнули и глупо заулыбались. – Выполнять!

Громилы, не смея повернуться к боссу спиной, попятились и растворились в темноте за дверью. Чеслав же, оставшись один, подошел к стеллажу и снял покрывало с самой большой банки.

В ней хранилась залитая формалином голова его отца – покойного профессора Корбута. Бледная кожа обтягивала череп процентов на девяносто. В полураскрытом рту виднелись остатки выбитых зубов. Седая шевелюра окаймляла голову серебристым нимбом, а широко раскрытые глаза смотрели на мир с болью и осуждением.

– Уже скоро, – прошептал комендант Берилага. – Очень скоро, папа.

Глава 4. ЧК собирает гостей

Лена Томская вышла на пути, попыталась приноровиться к ходьбе по шпалам. Получилось не сразу, но потом она зашагала довольно быстро. Не так страшен черт, как его малюют, и не так страшны туннели, как о них болтают. Метро просто проверяет тебя на прочность. Стоит поддаться страху, и ты уже никогда не вылезешь за пределы станции. А если с первых минут докажешь, что ты не из робкого десятка, то подземка принимает тебя и перестает пугать.

Девушка ускорила шаг. Если чудовища и существуют, то живут они не здесь. Блуждающие зеленые огоньки, о которых рассказывают пришедшие в Полис купцы, или бродячие мертвецы, пустые, как барабан, потому, что их внутренности сожрали то ли неведомые твари, то ли туннельные крысы, существуют лишь в больном воображении тех, кто не стал для Метро своим, кто не выдержал первого испытания. А она выдержала!

Совершенно успокоившись, Лена продолжила путь, но очень скоро ей начало казаться, что позади кто-то есть. Существо, которое приноравливается к ее шагам, стараясь не быть услышанным. Несколько раз девушка оборачивалась назад и старательно ощупывала темноту лучом фонарика. Мертвецы все-таки существуют? Вскоре Лена запугала себя окончательно. Как ни гнала она от себя мысль о преследователе, шорох чужих шагов слышался все явственнее. Его уже нельзя было ни игнорировать, ни списать на галлюцинацию. Вывод: позади шел тот, кто не хотел быть замеченным.

С каждым шагом Елена все меньше верила, что встретит на Полянке своего мужа. Обычно тот подписывал послания к ней формально – «Томский», а она свои к нему – «Томская», такая у них была игра меж собой. Почему она не насторожилась, увидев монограмму «Т.»? Решила, что Толя просто слишком спешил... Почерк был его... Кажется, его...

За спиной раздался хруст щебня. Стиснув зубы, чтобы не закричать, девушка резко обернулась, направив фонарь на источник шума. На этот раз преследователь не успел спрятаться или уже не считал нужным сохранять инкогнито.

На рельсах позади нее стоял высокий человек в длинном прорезиненном плаще темно-серого цвета. Надвинутый на лоб капюшон затенял лицо, превращая его в черную дыру. А может, дело вовсе не в капюшоне? Может, существо это вовсе не имело лица? Может, оно явилось из параллельного мира, обители призраков, блуждающих зеленых огоньков и мертвецов, тщетно разыскивающих свои внутренности?

Лена даже не пыталась заговорить с безликим монстром. Она сразу решила прорываться на Полянку, повернулась и ринулась к спасительной станции. Однако впереди ее ждали еще двое в сером, в таких же длинных плащах с надвинутыми на лицо капюшонами. Они одновременно шагнули к девушке, протягивая к ней руки. Елена чудом вывернулась и бросилась бежать по туннелю к Полянке.

Вскоре волнистые ряды кабелей на стене слегка изменили положение. Теперь они плавно пошли вверх, а это означало, что станция совсем близко. Еще через миг Лена увидела путевые стены, облицованные светло-серым потрескавшимся мрамором, и край платформы. Когда она карабкалась вверх, из темного туннеля донесся жуткий звук, хриплый и отрывистый, как собачий лай.

Толи на Полянке не оказалось. Там вообще никого не было. Чудовища могли делать с ней все, что им вздумается. В отчаянии Лена метнулась в самый конец станционного зала, чтобы прижаться спиной к стене и встретить опасность защищенной хотя бы с тыла.

Она рванулась к знакомому панно, но замерла, парализованная ужасом. Вместо лиц у трех членов молодой семьи были черепа, в пустых глазницах торжествующе вспыхивали зеленые огоньки. За спиной раздался шаг. Лена обернулась. Безликих монстров было

уже не трое... К ней приближалась целая толпа чудищ. Они завывали на разные голоса и вытягивали вперед руки в черных перчатках...

– Эй, ты, вставай!

Елена вздрогнула от громкого лязга, медленно выбираясь из кошмарного, тревожного сна.

– Ишь, разлеглась, сучка! – буркнул охранник. – Встала и пошла! Комендант ждет.

Нет, не сон. В туннеле на нее действительно напали люди в серых плащах. Только вот до Полянки Лена на самом деле так и не добралась...

На этой платформе Лена оказалась не впервые, но в прошлый раз она почти ничего не разглядела: похитители вкололи ей какую-то дрянь, и всю дорогу до Берилага девушка провела в дурмане. Теперь концентрационный лагерь Красной линии предстал перед ней во всей красе. Сваренные из толстых стальных прутьев клетки были втиснуты между белыми колоннами и занимали почти всю платформу, оставляя узкий полутораметровый проход.

В каждой клетке имелась небольшая решетчатая дверца, снабженная хитрым винтовым замком. Освещалась станция электричеством, но на нем здесь явно сэкономили. Подвешенные на кабеле под потолком лампочки-груши светились едва ли в четверть накала. Лене с трудом удалось рассмотреть узников. Изможденные люди сидели и лежали на полу. Почти никто не разговаривал, изредка из дальних углов клеток доносилось тихое перешептывание. Появление на платформе девушки не вызвало у несчастных никаких эмоций. В основном в Берилаге томились обычные люди, но в одной из клеток Лена заметила пару горбунов, в другой – нескольких карликов, которых поначалу приняла за детей.

Оказавшись на середине платформы, Томская поняла, что большинство клеток сообщалось между собой посредством коридоров, образуя большие камеры. В каждой из таких общих камер сидели по несколько десятков человек. Надписей было мало. Кроме названия самого лагеря на путевой стене имелся только столб с указателями, из которых следовало, что Берилаг разбит на две части – лагерь строгого режима и зону для спецпоселенцев.

Елена так и не смогла понять, чем именно отличаются зоны. Те же винтовые замки на низких решетчатых дверцах, те же изможденные лица и никакого намека на различие режимов.

Еще одну интересную подробность девушка отметила, поднимаясь в вестибюль станции. Пути по обе стороны платформы были завалены вровень с полом станционного зала, плотно утрамбованным строительным мусором, а выходы в туннели защищены стальными воротами. Тут же были огневые точки, устроенные из мешков с песком. Высовывавшиеся из них стволы пулеметов смотрели в разные стороны. Таким образом, охранники в камуфляжной форме с красными нарукавными повязками имели возможность простреливать всю территорию концлагеря, оставаясь недостижимыми для пуль неприятеля. Берилаг казался неприступным.

– Руки назад! За спину!

Приказ охранника напомнил Елене о том, куда она идет. Девушка послушалась. Обернувшись, она презрительно взглянула на конвоира и принялась поправлять растрепанные волосы.

Охранник подтолкнул непокорную пленницу к двери в стене из красного кирпича.

– С ЧК разговаривать вежливо. Обращаться «товарищ комендант». На вопросы отвечать да или нет!

«Чека? Что это такое? Чрезвычайная комиссия?» – успела подумать Лена прежде, чем конвоир распахнул перед ней дощатую дверь. Сделав два шага вперед, Томская очутилась в помещении, освещенном только тусклым огоньком керосинки. Стеллажи с рядами каких-то банок, кресло, посередине письменный стол. Пленница решила, что хозяин кабинета еще не

пришел, но в эту секунду за спиной щелкнул выключатель, и она зажмурилась от яркого электрического света.

– Ага, вот, значит, как выглядит комсомолка, предавшая Партию, – произнес кто-то хриплым голосом. – Мила, очень мила, ничего не скажешь. Разрешите представиться: Чеслав Корбут, здешний комендант и ваш покорный слуга.

Услышав фамилию Корбут, Лена непроизвольно вздрогнула. Когда глаза привыкли к свету, она внимательно рассмотрела начальника Берилага. На плече у высокого худощавого мужчины с длинными рыжеватыми волосами удобно устроился пушистый зверек с шестью лапами. ЧК бережно опустил его на пол.

– Погуляй, Шестера. Мне нужно поболтать с нашей гостьей.

Комендант занял свое место за письменным столом, и Елена вдруг поняла, что лицо этого человека ей смутно знакомо. Где-то она его видела, но где? Большую часть своей жизни девушка провела на центральных станциях Красной Линии, где Берилаг казался просто страшной сказкой. Повстречать ЧК она могла разве только на митингах.

Впрочем, вскоре внимание девушки тут же переключилось с коменданта на стеллажи за его спиной. Рассмотрев содержимое банок, она вздрогнула, и тут же к горлу подступила тошнота, а голова закружилась. Из нескольких банок на нее глядели сквозь пленку век мертвыми глазами заформалиненные человеческие зародыши.

– Что, страшно? – насмешливо спросил ЧК, пристально глядя в глаза пленнице.

Мало кому удавалось выдержать его тяжелый взгляд, но у Елены получилось. Первым отвернулся Корбут.

– Вы изменили делу партии, перешли на сторону идеологического противника, – заговорил он. – И будете наказаны. Жестоко наказаны – по заслугам. Однако я не зверь, поэтому изыскал возможность выделить вам отдельную камеру. По здешним меркам – номер люкс. Вы не против, если иногда вас будут посещать с ночными визитами наши лучшие охранники?

– Да пошел ты! – Елена справилась с приступом тошноты и обрадовалась тому, что может говорить четко и внятно. – Когда сюда придет Томский, в бордель запрут тебя самого. Ты уже покойник, понял?!

– Что ты знаешь о покойниках, дура? – зашипел комендант. – И что ты знаешь обо мне? Дрожа от возбуждения, он встал и приблизился к стеллажу.

– После устроенной тобой заварухи тело моего отца так и не нашли. Его гробом стала эта банка! Смотри сюда!

Чеслав сорвал покрывало с самой большой емкости. Увидев обезображенную голову профессора Корбута, Елена машинально схватилась руками за живот, глаза у нее закатились, и она рухнула на пол. Из-под стеллажа вынырнула Шестера. Она обнюхала девушку, а потом лизнула ее в бледную щеку, чем несказанно удивила хозяина. Почувствовав укол ревности, Чеслав бережно накрыл банку тканью. Реакция Елены доставила ему удовольствие. Он наклонился, поднял с пола Шестеру и сказал ей на ухо:

– Это просто обморок. Скоро пройдет...

Худой седовласый старик с длинной бородой патриарха и собранными на затылке в хвост волосами стоял на коленях перед маленькой картонной иконой, освещенной трепещущим светом горящего фитиля, вставленного в жестяную плошку с машинным маслом. Тонкая ткань долгополого, похожего на рясу балахона не защищала от маленьких камней, устилавших пол комнатухи. Они впивались Владару в колени, но за долгие часы, проведенные в молитвах, кожа на них загрубела настолько, что старик почти не ощущал боли. Только легкое покалыва-

ние, помогавшее не отвлекаться от занятия, которому Владар посвятил последние тридцать лет.

Годы, избороздившие лоб глубокими морщинами, обесцветившие некогда голубые глаза и выбелившие голову, сделали Владара умудренным опытом человеком, но не приблизили к цели. Порой ему казалось, что Бог совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, но стоило только обратиться к нему с мучительно-сложными, наболевшими вопросами, как Создатель снова становился недостижимым. И опять приходилось брести на свет очередной призрачной надежды.

Первое и последнее послание, заставившее пуститься в полный лишений и разочарований путь, Владар получил в Средней Азии. Там, где беспощадно палило солнце, добела выжигая горные вершины. Место, где это случилось, кто-то из коллег-ученых окрестил Периметром. Название прижилось, как и фраза «выйти за Периметр». Сотрудники секретного НИИ, проводившие эксперимент, иногда выбирались за Периметр. Жители затерянного в горах кишлака, попавшего в Периметр, такого права не имели. Их вообще никто ни о чем не спрашивал и с Декларацией прав человека не знакомил. Просто в один прекрасный день территорию в пять квадратных километров оцепили войска, и выйти за Периметр стало возможным только по спецпропуску.

Местные жители почти не говорили по-русски и редко покидали свой кишлак, поэтому не слишком обеспокоились неожиданной изоляцией от внешнего мира. Да и вряд ли кто-то из этих смуглых людей в цветастых халатах и украшенных затейливым орнаментом тюбетейках вообще понял, что произошло. Если в первые дни аборигены еще наблюдали за суетой людей из Большого Города у палаток, то потом утратили к приезжим всякий интерес.

Эксперимент начался, и местные жители исчезли. Стихли крики пастухов, гнавших баранов на высокогорные пастбища, перестали дымиться печи-тандыры, в которых аборигены выпекали свои пресные лепешки. Это обстоятельство никого не удивило – поставленный опыт давал прогнозируемые результаты. Требовалось их проанализировать и занести в отчеты. Доказать партии и правительству, что затраченные усилия и вложенные средства не пропали даром. Все шло по плану, и повисшую в Периметре тишину нарушало только рычание двигателей военных грузовиков.

Пребывая в твердой уверенности, что приносит Родине пользу, Владар, а тогда еще Владимир Кольцов, работал как одержимый. Наиболее оригинальные решения приходили к нему во сне. Возникшие идеи требовалось срочно занести на бумагу, и самым удобным временем для этого было ранее утро. Сидя на складном стульчике у палатки, он увлеченно рисовал в ежедневнике многоугольники бензольных колец. Однажды Владар так углубился в расчеты, что не сразу заметил, как к нему кто-то подошел. Он поднял голову, только когда услышал лепет ребенка. Черноглазое, похожее на смуглого ангелочка существо с забавными, спадавшими на лоб черными прядками волосами пыталось привлечь внимание бородатого дядьки с блокнотом в руке.

Босоногая казашка лет пяти пришла с матерью, ведя ее за руку. И Кольцов сразу понял, почему заговорить с ним пытается не сама женщина. Блокнот и ручка упали на песок. Девочка привела мать потому, что та была не в состоянии идти куда-либо самостоятельно. Вирус действовал, как и предполагается, – безжалостно и безупречно. Ноги и руки женщины распухли, как колоды. Казалось, еще чуть-чуть, и покрасневшая кожа не выдержит, лопнет, забрызгав все вокруг зараженной кровью. Глаза у женщины превратились в узкие щелки, а из уголка рта на подбородок стекал тонкий ручеек слюны.

Кольцов, хоть и был защищен от заражения антитодом, вынести этого зрелища не мог. Он собирался броситься к женщине, но вместо этого рухнул на колени. На четвереньках вполз в палатку, отыскал респиратор, потом вернулся к девочке и нацепил маску ей на лицо. Однако та сорвала респиратор и заговорила на родном языке, показывая на мать и протягивая к уче-

ному грязные ручонки. Кажется, просила помочь. Владар же, не отрываясь, смотрел на кулачок малышки. В нем что-то было зажато. Девочка что-то принесла.

Кольцов присел на корточки, погладил девочку по прямым смоляным волосенкам и, завладев ее рукой, разжал пальцы. Потом мать с дочерью ушли. Медленно двинулись по узкой, поднимающейся к вымершему кишлаку дороге навстречу выползающему из-за горных вершин солнцу. Босоногая малышка увела умирающую мать домой. Когда они скрылись за поворотом дороги, Владар зашелся рыданиями и принялся топтать свой блокнот. От сознания собственного бессилия, от невозможности исправить то, к чему приложил руку. От того, что до конца своих дней обречен вымаливать прощение у Бога и людей.

Давая согласие на участие в эксперименте, Кольцов убеждал себя в том, что он – теоретик. Даже когда выяснилось, что массовое производство антидота требует огромных затрат и было приостановлено, он продолжал упрямо твердить себе: все обойдется. Встреча с жертвами проекта «Немезида» опустила молодого ученого с небес на грешную землю. Владимир Дарвинович осознал, что никакой он не теоретик, а самый что ни на есть практик. Практик-убийца.

Когда слезы высохли, ученый разбудил руководителя проекта и сказался больным. Вид у него был и впрямь неважнецкий. Ему поверили, и в полдень Кольцов уже трясся в кузове военного грузовика, а вечером вылетел из Алма-Аты в Москву.

В институте он побывал только два раза: когда принес заявление об увольнении по собственному желанию и когда обходил с «бегунком» многочисленные инстанции родной конторы. Под пристальными взглядами руководителя института и людей с каменными лицами дал повторную подписку о неразглашении государственной тайны – как будто первой, накарябанной им при приеме на эту inferнальную работу, было недостаточно.

Потом были духовная семинария и маленький приход в Подмосковье. Бывший ученый стал священником, посредником между Богом и людьми. Прихожане были им довольны. Он и сам ощущал, что помогает им. Однако себе помочь так и не смог. Бог принимал от Владара молитвы за других, но никак не отвечал на мольбы самого священника.

Когда мир разлетелся на мелкие куски и люди ушли в метро, Кольцов посчитал это очередным испытанием неба лично для себя. Он продолжал искать Бога, блуждая по туннелям и станциям подземного лабиринта. Прошел через все ужасы метро, огромной клетки с запертыми в ней остатками человечества.

В конце концов он попал за решетку на Чеховской. Наблюдал за тем, как нелюди, украсившие себя трехконечной свастикой, уводили на казнь тех, кто, по их мнению, засорял метро, прислушивался к грохоту автоматов расстрельной команды, доносившемуся из туннеля, и ждал своей очереди. Но его неожиданно отпустили: даже бесы Рейха не смогли поднять руку на того, чьей судьбой лично распоряжался Всевышний.

Владар жил на Полежаевской в то самое время, когда там начали пропадать отдельные путешественники и даже вооруженные до зубов отряды. Отмеченный печатью проклятия, он был лишен права погибнуть, не заплатив по счетам: священник ушел со станции за день до того, как все население Полежаевской сгинуло в одночасье. С тех пор Кольцов не раз и не два убеждался: и маленькие, и большие проблемы метро обходили его стороной. Он без опаски бродил там, где обыкновенный человек мог погибнуть в два счета. Пули пролетали мимо, и даже отравленные иглы людей Червя причиняли вреда не больше, чем комариные укусы.

Поползли слухи о том, что он неуязвим и живет не первую сотню лет. Владар не отрицал и не подтверждал их. Он продолжал искать уединения и, наконец, нашел его подобие в боковом туннеле перегона Савеловская – Дмитровская. Очистил от залежей мусора подсобку, напоминавшую скромными размерами келью, разложил там свои нехитрые пожитки. Ниша в стене, оставшаяся после выдранного оттуда рубильника, прекрасно подошла для картонной иконки и заправленной машинным маслом плошки с фитилем, служившей лампадкой.

Когда заканчивались сушеные грибы, старик уходил в заброшенные туннели и возвращался с карманами, набитыми патронами. Их он находил в тех уголках Метро, которые давно стали для обыкновенных людей запретной зоной. Мертвецы, ставшие жертвами «плохих туннелей», открывали Владару тайны своей гибели и отдавали то, что им больше не требовалось.

Редкие появления Владара на Савеловской производили там настоящий фурор. Жители станции смотрели на отшельника со смесью интереса и ужаса, а когда старик, нагруженный пластмассовой канистрой и мешком грибов, уходил к себе, начинались перешептывания и рождались легенды, одна невероятнее другой. В этих историях монах выступал в роли праведного старца, раскаявшегося разбойника, ставшего на путь святости.

С действительностью они не имели ничего общего, а самым невероятным в жизни Владара было только одно – предмет, принесенный ему маленькой казахской девочкой: православный крестик, непостижимым образом оказавшийся там, где его просто не могло быть. Разгадку этой тайны Владар искал, бодрствуя в молитве и забываясь коротким сном на голом цементном полу. Именно тогда к нему приходил смуглый ангелочек из далекого горного кишлака, прекратившего существование задолго до Катаклизма.

Девчонка уже не просила у отшельника помощи. Она выжидательно смотрела на него и молчала. Всегда молчала. Владар просыпался в холодном поту, бросался к иконе и принимался молиться, сотни, тысячи раз повторяя слова, выгравированные на тыльной стороне крестика, который прятал на груди. Спаси и сохрани. От себя добавлял «И прости...».

Бог милосерден. Старик чувствовал, что Господь простил его. А вот девочка... В ее черных глазенках, в осуждающем взгляде, неотступно следовавшем за ним все эти годы, не было прощения – только боль потери и вечный укор. И тут не помогали ни плач, ни раскаяние, ни ночные молитвы.

Тишина в туннеле, прилегающем к жилищу Владара, была настолько полной, что любой звук был здесь событием. Отшельник легко распознавал цокот крысиных лапок по щебню, шуршание хвостов и потрескивание проседавшего бетона. Но то, что он слышал сейчас, не имело ничего общего ни с крысами, ни с привычными звуками потрескивания фитиля в лампаде. Это были шаги.

Старик прислушался. По туннелю шли два человека. Люди бывали здесь и раньше, но нарушать покой отшельника, пользующегося, к тому же, славой колдуна, могли только те, кто сворачивал в тупиковый туннель по ошибке. На этот раз все было иначе. Шаги были уверенными. Люди в туннеле шли к нему и не скрывали этого.

Не вставая с колен, Владар обернулся к двери. Стоявший там здоровяк в длинном сером плаще смотрел на него, кривя пухлые губы в презрительной улыбке. Крупный, изогнутый дугой нос нависал у него над губами, что придавало гостю сходство с карикатурной бабой-ягой. Сложенные на груди руки покрывали по-обезьяньи густые черные волосы.

– Здорово, дед, – пророкотал носатый. – Ты что, молишься? Дохлый номер.

Владар не отвечал, наблюдая за вторым гостем, который толкнул первого в спину и вошел в подсобку вслед за ним. Это был высокий блондин в таком же сером плаще, что и у первого гостя. Плащ был расстегнут, из-под мышки торчала рукоять пистолета, заткнутого в потертую наплечную кобуру. Здороваться белобрысый не стал, а сразу перешел к делу:

– Мы за тобой, старик. Собирайся.

Говорил блондин с чуть слышным акцентом.

– Не торопись, Гиви. – Второй пришелец, прихрамывая, обошел Владара и принялся рассматривать иконку в нише. – Может, это и не он вовсе? Эй, дед! Ты кто? Владар?

Старик не ответил.

– Слышь, ты, божий одуван, не зли товарища Габуня, – вступил в разговор брюнет с похожим на булыжник подбородком. – Он – парень нервный, чуть что, сразу в лоб.

Гиви подтвердил эту характеристику, ударом ноги перевернув канистру. Вода с бульканьем потекла на пол. Молчать и упорствовать дальше не имело смысла. Старик встал с колен...

– Я – Владар. Что дальше?

– Дальше – марш вперед, труба зовет! – хохотнул белобрысый, взмахом ладони погасив подрагивающий в жестяной плошке огонек. – Пойдешь с нами на Красную линию, да? У товарища Москвина дело к тебе есть. Не время прохлаждаться.

– А если мне нет никакого дела до товарища Москвина?

Не успел Владар закончить фразу, как Габуня с разворота впечатал кулак ему в челюсть. Старик растянулся во весь рост в луже воды. Нервный блондин поставил ногу на грудь отшельника и резким движением вырвал пистолет из кобуры.

– Будешь выделяться, выпущу из тебя кишки, старый козел. Ты пойдешь с нами и будешь делать вид, что топаешь в компании своих лучших друзей. И благодари своего Бога за то, что товарищ Корбут не разрешил тебя калечить.

Как только Гиви убрал ногу, старик встал, кивнул и двинулся к выходу. Произошло то, чего он ждал долгие тридцать лет. Корбут, раскопавший секретный проект «Немезида», прислал за ним. Корбут уже посещал его в подмосковном приходе, сопровождаемый людьми из госбезопасности. Уговаривал вернуться в проект. Старику пришлось тогда сорваться с насиженного места, переехать, спрятаться на несколько долгих лет, прежде чем вновь решился вернуться в Москву. Владар надеялся, что ему удастся спрятаться от прошлого, но власть прошлого была в этом мире куда сильнее настоящего и будущего. Время творить молитвы истекло. Пробил час платить по счетам. И приглашал его к себе вовсе не Корбут, а сам Господь. В этом Владар был уверен.

Неожиданная покорность старика удивила и развеселила белобрысого головореза.

– А ты, дед, молоток! – покровительственно объявил он, подкрепляя похвалу ударом по плечу. – Так держать! Не рыпайся, и мы станем друзьями. Скажу больше: ты еще будешь гордиться знакомством со мной.

– Заткни пасть, генацвале, – недовольно пробурчал Лацис. – Сначала выполни приказ, а памятники себе любимому будешь ставить потом. Помнишь, как тебя отделили возле Полянки?

Не обращая внимания на толчки в спину, Владар остановился, чтобы последний раз взглянуть на свое жилище. В это мгновение он понял, что больше никогда сюда не вернется.

В это время в шести перегонах от Савеловской собирался в дорогу и Анатолий Томский. Машинально засовывая в рюкзак свои пожитки, он размышлял о природе отчаяния. Все то, что в обычной ситуации ты считаешь бесплотным и неосязаемым, обретает конкретные формы, когда приходит беда. Когда враг сжимает кольцо, а глаза застилает пелена страха и безысходности. Когда ночь не заканчивается, а день не наступает.

Какой дурак сказал, что отчаяние нельзя измерить и взвесить? Отчаяние схоже с ветром, который гуляет по земле между остовами разрушенных городов, впитывая запах смерти. Его вкус – это вкус воды, которая не прошла через фильтры очистителей, той самой, что оставляет во рту привкус железа и резины. Воды, которую пьют бедняки на самых нищих станциях. Отчаяние, если это настоящее отчаяние, заканчивается там, где заканчивается жизнь. Вес отчаяния хорошо знаком тому, у кого на груди лежит пудовая гиря бессмысленного существования. А цвет... Его можно увидеть, углубившись в любой туннель с выключенным фонариком.

Впрочем, считать черный цветом отчаяния – значит судить о нем слишком просто. Он необходим, потому что только на черном фоне можно увидеть свет в конце туннеля.

Толик уже просчитал маршрут, по которому двинется на randеву с Корбутом. Идти придется через Чеховскую и Пушкинскую. Дальше – Кузнецкий Мост. Миновать фашистский треугольник никак не получится. Записка ЧК – еще не пропуск через Рейх, а документы гражданина Полиса – не защита для угонщика метропаровоза. Сам виноват. Надо было дать по рукам Аршинову, а не позволять ему кидать тротилловые шашки куда попало! Вспомнив о прапорщике, Толик чуть было не изменил первоначальный план – слишком уж был велик соблазн подключить к делу старого товарища. Однако Томский тут же одернул себя: появление в Рейхе на пару с этим славным авантюристом увеличило бы риск разоблачения по крайней мере вдвое.

Сборы закончены. Толик сменил сапоги на пару стоптанных, но еще крепких ботинок, а подаренный кшатриями бушлат – на потрепанную куртку и плащ-накидку. Из оружия – самый безобидный на вид нож, в карман – фонарик, а в вещмешок – связку сушеных грибов и фляжку с водой. Нищему собраться – только подпоясаться, а ему и надо выглядеть почти нищим. Не переиграть бы только...

Теперь оставалось разве что присесть на дорожку. Томский опустился на кровать и погладил подушку, на которой еще оставалась милая вмятинка – след от головы Елены. Подумать только: прошлой ночью он был самым счастливым человеком на свете! И вот какой-то безумец лишает его всего – жены, будущего ребенка, теперь надеясь отобрать у Томского еще и жизнь.

Томский с решительным видом встал, закинул за плечи рюкзак и вышел за дверь. На гулкой станции было пусто, как всегда в ночное время. Впрочем, не совсем. На скрип петель обернулся какой-то ребенок в камуфляжной куртке и черной бейсболке, которому давно полагось сопеть на своей лежанке под присмотром мамы и папы. Приглядевшись, Томский понял, что ошибся. Этот малыш не нуждался в опеке старших. Это был Вездеход.

– Я сплю иль брежу? – насмешливо воскликнул Носов, увидев Толика в полной походной экипировке. – Граф Томский собственной персоной. Куда направляем стопы в столь поздний час, когда силы зла властвуют в темных туннелях безраздельно? И зачем герою этот тощий рюкзак? – Он посмотрел в глаза Томскому и догадался, что дела его плохи. – Все ясно... – с видом полного понимания мотнул головой коротышка. – Сваливаем из Полиса? А как же жена и дети?

Хотя настроение было паскуднее некуда, Томский не удержался от радостной улыбки. На ловца и зверь бежит! О лучшем спутнике нельзя было и мечтать. Он вытащил из кармана скомканную записку Корбута.

– Полюбуйся... Лена пропала... Мне теперь на Лубянку.

Не сговариваясь, они направились к выходу со станции. Толик в двух словах рассказал о похищении супруги и нападении на него самого в районе Полянки.

– Лубянка это только промежуточный пункт, – скептически хмыкнул Носов, удивительно быстро переварив полученную информацию. – Даю патрон за сто, что твоя подруга находится гораздо дальше – в логове самого ЧК. Там же, где и мой брат, – в Берилаге.

– Где бы она ни была, похитил ее именно твой комендант, – кивнул Томский. – Короче, этот ЧК мне нужен – живым или мертвым. Лучше мертвым. Если сын пошел в батю, то вступать с ним в переговоры нет никакого смысла.

– Сыночка я не понаслышке знаю... – задумчиво произнес Вездеход и замолчал, собираясь с мыслями. Воспоминания о Корбуте-младшем, судя по выражению лица карлика, были весьма болезненными. – Вертухаи Берилага схватили меня при попытке освободить Гришку. Я тогда отыскал на поверхности вентиляционную шахту и пролез на Площадь Подбельского по воздуховоду. А там клетки, длинные такие, с перегородками. В каждой из них по несколько зеков. Наконец нашел брата. Даже успел с ним обменяться парой слов. Но у них там безопас-

ность толково организована. Один цепной хрен из охраны лагеря, мать его, услышал, как я перепиливаю решетку. Пару зубов этому уроду я, конечно, удалил, но в итоге меня все равно повязали. Допрашивал сам комендант. В таких случаях он предпочитает пользоваться паяльной лампой. Иногда просто так, иногда – раскаляя на огне стальной прут...

Вездеход расстегнул верхние пуговицы куртки и показал круглые шрамы на груди.

– Смотри, Томский. Сектантская яма, о которой болтают все, кому не лень, тут ни при чем. Эти шрамы – автограф Чеслава Корбута. Все пытался дознаться, как я попал в Берилаг. Когда я вырубился, ЧК решил, что имеет дело с трупом, и оставил дверь своей берлоги открытой. Брата я не спас, но сумел выбраться из Берилага тем же путем, каким туда попал.

Томский машинально потрогал пальцем круглый бугорок на теле Носова и вдруг осознал, поверил, что Елена находится в страшной опасности. Как всегда в экстремальной ситуации, его охватила лихорадка: бежать, спасать! Не время распускать нюни, надо действовать быстро и решительно. Но идти на Лубянку нет смысла, это все равно что самому сунуть голову в петлю.

Нет, он не полезет в западню, а отправится напрямик в Образцово-показательный лагерь имени товарища Берия. Чеслав Корбут ищет встречи? Он ее получит! Только не там, где запланировал. Свои проблемы они решат прямо в Берилаге, и совсем не так, как рассчитывает дорогой товарищ ЧК. Это будет игра без правил. Тотальная война! Надо будет, он сам поджарит этого уroda на его же паяльной лампе... Никаких правил, абсолютно никаких!

Анатолий аккуратно застегнул на Вездеходе куртку и похлопал его по плечу.

– Шпаги наголо, маркиз Носов, – сказал он решительным тоном. – Готовьтесь к бою. Вас ждут великие дела.

Глава 5. Завещание профессора Корбута

Станция Лубянка с момента ее переименования обратно в Дзержинскую превратилась в самый труднодоступный и засекреченный объект Красной линии. Дзержинская была кривой коммунистической пародией на Полис. Здесь тоже творили талантливые ученые, разрабатывались дерзкие проекты, делались важные открытия, изучались научные труды прошлого и писались новые.

Только вот Полис добивался улучшения жизни всех, кто жил в Метро, а задача создателей с Дзержинской была значительно уже. Эти гении, вышедшие из шинели Железного Феликса, работали на спецслужбы и действовали исключительно для блага Красной линии. Разговоры о том, как осчастливить все метро, велись только в одном контексте и на одном условии – объединения всех станций на основе марксистско-ленинского учения. Само собой, под эгидой Красной Линии.

Дерзкий угон метропаровоза красноречиво продемонстрировал несостоятельность системы охраны Дзержинской. Раздувшихся от сознания собственной значимости красных генералов снимали с должностей, а их место заняли молодые карьеристы, готовые ради продвижения по службе рыть копытом грунт в туннелях.

Новая метла вычистила с Дзержинской все проявления разгильдяйства. Двери, ведущие на поверхность, заварили до лучших времен. Кордоны в туннелях усилили людьми и укрепили технически – новыми рядами мешков с песком, из которых торчали стволы дополнительных пулеметов. Модернизировали и камеры для заключенных. Новое начальство тщательно обследовало подсобки на предмет лазеек. Старые двери заменили прочными решетками. Установили мощные лампы, освещавшие все уголки темниц снаружи и изнутри, а часовым строго-настрого приказали приближаться к решеткам только по трое.

Большинство камер пока пустовало, но темпы начавшейся чистки рядов не оставляли сомнений в том, что очень скоро усовершенствованные узилища переполнятся постояльцами, ждущими отправки в Берилаг. В беспощадном свете ламп, под пристальными взглядами охранников в камерах будут сидеть просто колеблющиеся, явные оппортунисты и те, кто был занесен в черный список врагов Коммунистической партии Метрополитена.

Комендант Берилага шагал по переходам мимо застывших в молчании охранников с автоматами, пока не остановился у стальной двери, ведущей в лабораторию.

– Чеслав Михайлович, а мы вас ждали... – Приседая от угодливости, охранник распахнул дверь. – Мартин и Гиви привели какого-то деда...

Корбут ничего не ответил, лишь смерил охранника презрительным взглядом и вошел в лабораторию. Лацис и Габуня, считавшие себя полностью реабилитированными в глазах шефа, развлекались игрой в «очко». Одного взгляда ЧК оказалось достаточно, чтобы дружки тут же собрали разбросанные по столу карты и застыли, вытянувшись по струнке.

– Так, так. Вот вы, значит, какой, Владимир Дарвинович. – Корбут сел на кровать напротив седого старика. – А я представлял вас моложе. Воображал вас себе по отцовским заметкам, совсем запамятовал, сколько лет назад они делались. Вам ведь, если посчитать, уже к восьмидесяти сейчас, не так ли? В наши дни редко кто столько живет. Отец вот мой не дожил до второй встречи с вами, – вздохнул он.

– Корбут – ваш отец? – нахмурился старец.

– Да, – подтвердил ЧК. – Что ж, придется нам поспешать, пока и вы не окочурились. Придется ободриться: работы у нас будет много. Очень много.

– Меня зовут Владар, – глухо ответил старик. – Я не знаю, о какой работе вы говорите. Что касается Корбута, такие люди, как он, позорят науку! Я не собираюсь сотрудничать...

– О каком сотрудничестве ты болтаешь?! – Лицо Чеслава сделалось пунцовым, а глаза налились кровью. – И как смеешь ты, раб, в таком тоне говорить о моем отце?!

– Хм... Яблочко от яблони... – усмехнулся Владар. – Те же глаза. Тот же фанатизм во взгляде. Уж не вселился ли в тебя дух покойного Миши Корбута, который приходил за моей душой, а, сынок? Вернее, не дух, а бес. Глядя на тебя, я начинаю верить в реинкарнацию. Прости, Господи, грехи мои тяжкие. – Старик размахисто перекрестился.

Чеслав вздрогнул, словно его хлестнули плетью, и замахнулся на Владара, но вместо того, чтобы ударить, до крови прикусил губу.

– Гиви, Мартин, привяжите моего остроумного друга к стулу! Быстро!

Подручные Корбута бросились на старика. Владар не сопротивлялся. Корбут, дрожа от нетерпения, вытащил из кармана зажигалку.

– Теперь – оба вон отсюда, – прорычал он. – Проваливайте к чертовой матери. Я буду говорить с многоуважаемым Владаром наедине.

Раздался щелчок кресала: острый язычок пламени лизнул кожу на лице старика. Запахло паленым.

– Очистительный огонь! Из него ты выйдешь преображенным, – произнес Корбут голосом, полным плотского наслаждения. – Когда я подпалю тебе бороду, ты начнешь вопить. Потом ответишь на все вопросы. И будешь молить меня, чтобы я погасил свою зажигалку.

Чеслав ошибся. Упрямый старик молчал. На морщинистом лбу выступили крупные капли пота, лицо посерело, но из груди не вырвалось ни единого звука.

Корбуту пришлось взять с полки паяльную лампу. Подергав ручной насос, он открыл вентиль и поднес к форсунке зажигалку. Пламя, поначалу ленивое и желтое, вскоре сменило цвет на голубой. Раздалось шипение. Чеслав продолжил регулировку до тех пор, пока не придал языку огня нужную форму – заточенного острия.

Он поставил лампу на пол, у ног Владара, а сам уселся на стуле напротив.

– Может, хватит нам играть в молчанку, Владимир Дарвинович? Сколько можно корчить благородство и неподкупность? Хочешь начистоту? Сейчас, старик, я раскрою тебе все свои карты и дам минуту на то, чтобы решить: займешься, как в старые добрые времена, наукой или будешь подыхать долго и мучительно.

– Что тебе надо?

– Вот это другой разговор. – Корбут встал, подошел к Кольцову и наклонился над стариком так, что тот чувствовал на щеке горячее дыхание. – Мне нужна твоя помощь в доставке сюда вируса, разработанного вашей конторой в ходе проекта «Немезида», – четко разделяя слова, произнес Корбут. – Я отправлю за ним своих олухов, которые ни шиша не смыслят в том, что надо взять из лаборатории. Им нужен толковый руководитель. Справишься – продлишь себе жизнь и займешься изготовлением антидота. Я не просил бы тебя об участии, если бы не масса других важных дел. Будешь работать на Красную Линию, хорошо питаться и молиться сколько влезет. Ну, так как, отче?

– Тот, кто коснется контейнеров, будет заражен мерзостью, которую собирался продолжать разрабатывать твой папаша, – покачал головой Владар. – Он станет инкубатором заразы. Не жалко своих людей?

– Тебе-то какое дело? Радуйся тому, что не заразишься сам. А контейнер вскроет тот, кому положено. Скоро я вас познакомлю. Уверен, парень тебе понравится. Все под контролем, старый пень. Я не собираюсь полагаться на случайности. Считай это завещанием профессора Корбута!

– Примеряешь отцовские лавры? Вижу тебя насквозь, мальчик. На мою помощь не рассчитывай, лучше убей сразу, но запомни: даже завладев вирусом, ты не сможешь им воспользоваться. Без меня, малыш, тебе и спирт с водой в нужных пропорциях не смешать, а «Немезида» – это тебе не водка.

Чеслав обеими руками вцепился в балахон Владара и разорвал его на плече. Оторванный рукав повис, оголив верхнюю половину руки. Огонь паяльной лампы коснулся предплечья старика. В помещении воцарилась тишина. Запахло паленым мясом. Чеслав, не отрываясь, следил за каплями пота, стекавшими по глубоким морщинам на лице Владара. Палача бесило молчание отшельника, а тот, чувствуя это, нашел в себе силы скривить губы в улыбке.

Боль от обожженной руки растекалась по телу, как жидкость в сообщающихся сосудах. В глазах у Владара потемнело, тонкие черты лица коменданта Берилага расплывались, подобно воску оплывающей свечи, пока не исчезли совсем...

Стены лаборатории расступились. Владар понял, что стоит у своей палатки в Периметре. Все было почти как полвека назад. Все, да не все. Вместо гор Периметр окружали серые остовы разрушенных многоэтажек и вздыбленные, ошестинившиеся ржавой арматурой плиты. Владар осмотрелся, в надежде чудом отыскать здесь девочку-казашку. Не нашел. Зато увидел знакомые очертания здания, под которым располагалась секретная лаборатория НИИ эпидемиологии.

Когда-то в нее складировали все, что имело отношение к проекту «Немезида» после его закрытия. Мгновение – и неведомая сила перенесла Кольцова прямо в лабораторию. Она осталась такой же, какой Владар видел ее в последний раз. Разве что кафельные полы, стеклянные шкафы и груды картонных папок на стеллажах теперь покрывал толстый слой пыли.

Владар подошел к ряду алюминиевых контейнеров и открыл один. Он предполагал, что увидит шеренги ампул, уютно расположившихся в ячейках, но контейнер оказался наполненным гниющей травой, в которой лежали продолговатые, усеянные черными пятнами кожистые яйца. Одно из них покачнулось и лопнуло. Из раскола брызнула мерзкая желто-зеленая слизь. Скорлупа развалилась на две части, выпуская на свет извивающуюся черную змейку. Яйца с чавканьем лопались одно за другим, а первый из вылупившихся змеенышей перевалился через край контейнера и упал на пол.

Владар попятился. Змея, извивающееся тело которой разбухало как на дрожжах, поползла к человеку и в стремительном броске обвила его ногу. Старик лихорадочно тряс ногой, пытаясь избавиться от гада, но этим только разозлил его. Змея зашипела и отвела в сторону треугольную голову, готовясь ужалить...

– Ты у меня в черта уверуешь, проклятый поп! – Истошный крик Корбута вырвал Кольцова из кошмарного небытия. Всего на мгновение. Отшельник понял, что шипела не змея, а паяльная лампа, и провалился в черную трясику беспомощности.

Чеслав погасил орудие пытки и принялся мерить шагами лабораторию. Он начинал нервничать. Не столько из-за упорства Владара, сколько из-за отсутствия Томского. Парень заставлял себя ждать, а ведь должен был броситься за своей подругой сломя голову. Сколько еще придется торчать здесь?

Корбуту не терпелось вернуться в Берилаг, где его ждали любимая Шестера и Кунсткамера, его славная лаборатория, так нуждавшаяся в новых образцах. Да, и конечно же девушка Томского, которой он еще не успел заняться вплотную. А руки так и чешутся. Комендант посмотрел на бессильно повисшую голову старика, кожу на его руке, успевшую вспучиться волдырями. Вид ожога вызвал у него не сострадание, а чисто медицинские ассоциации. Он словно изучал анатомический плакат.

И вдруг очень ярко представил себе голову Томского банке с формалином на полке своей Кунсткамеры.

На самом деле Толя как мог старался оправдать надежды Чеслава. Он спешил, попутно, позабыв о семяющем рядом Вездеходе, размышляя о том, как пройти Чеховскую. На этой

станции он уже бывал и до сих пор морщился от воспоминаний, до одури насмотревшись на лозунги, свастики и всяческий нацистский агитпроп. Так что изучать Чеховскую ему ни к чему. Просто подняться на платформу, и баста. За документы опасаться нечего – он подданный Полиса. Правда, бравировать этим не стоит. Полис кончается там, где начинается Рейх. Значит, надо будет потихоньку-полегоньку топтать к переходу на Театральную.

Вот только лицо... Как быть с тем, что его физиономия стала слишком популярной благодаря портретам в стиле «Их разыскивает милиция»? Капюшон! Самый надежный способ не засветиться. Хотя тут важно не переборщить. Надвигать его на самые глаза ни к чему – подозрительно. Он просто будет идти, не опуская глаз, но и не задирая головы. Походка должна быть усталой, а выражение лица – покорным и благожелательным. Не высовываться. Схлестнуться с фашистами он всегда успеет, но сейчас не они главная цель. Стоп! А как быть с Носовым? В рюкзак его не засунешь, а появление карлика в Рейхе может кончиться плохо как для Вездехода, так и для его спутника.

– Слышь, Вездеход, а у тебя нет лазейки, через которую можно обойти Рейх?

– За меня не волнуйся, – хмыкнул Носов. – Не впервой. Метров через пятьдесят разделимся. Есть один отличный лючок. Эх, жаль тебе в него не протиснуться! Встретимся в перегоне за Пушкинской. Сам постарайся в передрыгу не угодить.

Как и обещал Носов, через полсотни метров Толя увидел черный проем подсобки. Вездеход уверенно вошел внутрь, отодвинул в сторону ржавый лист жести, который валялся на полу, и ловко подцепил ножом почти незаметную квадратную крышку люка. Открылась дыра, и Томский поразился ловкости, с которой Вездеход юркнул вниз. Во тьме подземелья вспыхнул фонарик.

– Эй, Толян, прикрой крышку! – донеслось из глубины. – До встречи!

Томский продолжил путь в одиночестве. Теперь, когда все было просчитано, в голову полезли мысли о Елене. Как отразится на ребенке пребывание матери в таком жутком месте, как Берилэг? Не начнет ли Корбут действовать, не дожидаясь его появления?

Томский сжал пальцы в кулаки с такой силой, что ногти вонзились в ладони. К черту шахты и планы нападения на концлагерь! Главное – поскорее оказаться рядом с женой. Пусть в плену. Пусть в клетке. Присутствие любимой придаст ему сил, и он найдет сто способов вырваться из лап товарища ЧК.

Углубившись в размышления, Толик не забывал о том, где находится. Слух продолжал фиксировать каждый звук, и когда за спиной раздался шорох, Томский отреагировал молниеносно. На то, чтобы развернуться лицом к опасности, потребовались доли секунды. Однако когда луч фонарика осветил место, где должен был находиться источник звука, он не увидел ничего, кроме рельсов и шпал. Крыса? Нет. Цокот коготков этих грызунов он ни с чем бы не спутал. Передвигаясь, крысы издают совсем другие звуки.

Толик присел на корточки и внимательно осмотрел почерневшую шпалу. На деревянной поверхности влажно поблескивала полоска шириной в сантиметр. Она шла наискосок и указывала на квадратное отверстие внизу стены. Предназначенное для каких-то технических нужд, оно когда-то закрывалось чугунной крышкой. Теперь крышка валялась рядом, а дыра в стене будто говорила: «Милости просим!»

В молодом человеке проснулся исследователь. К тому же размеры норы свидетельствовали, что поселившееся там существо не может быть слишком большим. Томский наклонился над отверстием и тут же отшатнулся. Всего в полуметре он увидел два неподвижных зеленых огонька. Замешательство длилось недолго. Толик направил в нору луч фонаря. Огоньки исчезли, а луч уперся в изгиб туннеля. Если там что-то и было, то убежало. Бесшумно, но не бесследно, оставив после себя такую же влажную полоску, как на шпале.

На дальнейшие исследования времени не было, и Томский продолжил путь. Впрочем, маленькое происшествие заставило его переключиться с фашистов и коммунистов на других

обитателей Метро. Так сказать, соседей по общей квартире. Тех, кого не волновали политические и этнические вопросы. Тех, кто предпочитает нападать из темноты и до поры до времени никак не проявлять свое существование, создавая благодатную почву для рождения легенд. По метро о них ходили байки одна причудливее другой. Они стали частью нового подземного эпоса...

К легендам Толик относился скептически. Имея какой-никакой опыт странствий по темным туннелям, он довольно уверенно сортировал рассказы очевидцев по степени их правдоподобия. В мертвецов без кишок, к примеру, не верил. Логика простая: почему это крысы внутренности у них выжрали, а кожу нетронутую оставили? Нет, брат, крысы все подряд жрут.

Хотя в метро и самые причудливые байки иногда оказывались правдой. В червей Томский тоже когда-то не верил. Как бы сейчас вот не пришлось пересмотреть свое отношение к зеленым огонькам... Они, конечно, не пытались заманить его в ловушку, как об этом рассказывали, но вполне себе существовали. Так что и с ходячими выпотрошенными трупами, пожалуй, вопрос остается открытым.

«Как и с Корбутом, товарищ Выдающийся Аналитик, – заметил проснувшийся внутренний голос. – Анархизм еще не означает бестолковости действий и отсутствия четкого плана. А у тебя ведь его нет».

Томский поморщился. Плохой знак. Наученный горьким опытом, он знал – дискуссии с самим собой обычно предшествовали разного рода бедам. Профессор Корбут вернулся в новом обличье, а верные друзья на сей раз где-то далеко. Нет рядом Аршинова с его замогильными шуточками. Сгинул в лабиринтах разрушенных домов смешной и преданный Краб. Черт побери, что же это получается: зло возвращается, а добро – нет? Волки сыты, овцы съедены?

Помяни черта, и он тут как тут.

Нацисты, самые зубастые волки метро, судя по мелькнувшему впереди свету, были совсем рядом.

Миновав легкий изгиб туннеля, Томский увидел груды мешков. Толя вышел на середину путей и заблаговременно сделал «хенде хох». Меньше будут привязываться. Уткнувшийся в рельсы луч прожектора дернулся. В лицо ударил сноп яркого света. Рыкнула и залилась лаем собака.

– Стоять! – простуженно каркнул громкоговоритель. – Стреляем без предупреждения!

Не опуская рук, Томский кивнул. На фоне прожектора появился черный силуэт.

– Медленно, очень медленно идешь ко мне. – Фашист-пограничник передернул затвор автомата и шагнул навстречу Толику. – Оружие можешь сразу бросить на землю.

– Нет никакого оружия, – проговорил Толик таким тоном, словно был в чем-то виноват.

– Это хорошо. Для тебя. Теперь бросай мешок, а сам на колени и руки за голову.

Томский прикусил губу. Пограничник не отличался большим ростом. Узкоплечий, со впалой грудью, он попытался компенсировать неброскую внешность, взрастив под носом пышные усы. Рыжие и неухоженные, они казались наклеенными на изрытое оспинами лицо. Стоять на коленях перед этой сволочью? А ведь придется, если он не хочет завалить дело, так его и не начав.

Появился второй погранец. Полная противоположность первого – грузный и бесформенный здоровяк. Этот, наоборот, старался изжить все признаки растительности на голове и лице, в итоге добившись сходства рожи с гладким пузырем. Он держал Томского на мушке, пока первый потрошил вещмешок. Вскоре Толику милостиво позволили опустить руки, а затем и встать. Документы проверялись уже на блокпосту. Столь тщательная процедура пропуска на территорию Рейха красноречиво свидетельствовала, что желающих заглянуть на огонек к фашистам было немного, и пограничники откровенно скучали.

– Из Полиса, значит, приперся? – Не дожидаясь ответа, пограничник поводил пальцем по страничке паспорта, шевеля губами, а закончив чтение, в упор уставился на Томского. –

Ну и на кой ляд тебе было сюда соваться? Не знаешь разве, что мы гостей не любим и многих ставим к стенке?

«Очень надо было, вот и сунулся, – мысленно возразил Анатолий. – А к стенке ты меня не поставишь – кишка тонка. Проблемы с Полисом вашей банде не нужны. Возвращай документы. Если бы мог к чему-то придраться, ты ведь говорил бы со мной по-другому, ублюдок. Так не играй с огнем. Ну же!..»

Но вслух Томский сказал совсем другое:

– На Кузнецкий Мост иду, транзитом. Задерживаться тут не стану.

– Кто ж тебе даст задержаться, милый? – Фашист заржал, заражая весельем дружка, который во время проверки занимался тем, что разглаживал пальцами усики-кляксу под носом. – У нас если задерживаются, то навсегда. Ладно, собирай вещички, и чтоб через минуту духа твоего здесь не было. Пшел!

Запихивая в мешок разбросанные на рельсах вещи, Томский чувствовал, что внутри у него все клокочет от бешенства. Только бы не сорваться. Не поддаться соблазну воспользоваться ножом, который у него так и не нашли.

Обошлось.

Не глядя на пограничников, Толик прошел мимо защищенного мешками с песком пулеметного гнезда и вызвал новый приступ бешенства у овчарки. Он слышал, что животные от долгого общения с хозяевами становятся похожими на них, а сейчас и сам увидел подтверждение этой теории: казалось, в лае этой немецко-фашистской овчарки явственно слышалось «Хайль!».

Вот и платформа. Толик поднялся в станционный зал по деревянным сходням. В ноздри ударил запах сальных свечей, кое-как воткнутых между закопченными металлическими букетами, некогда украшавшими люстры. Томский так успел привыкнуть к ярко освещенным станциям Полиса, что наполненный подергивающимися тенями полумрак бывшей Чеховской мешал рассмотреть подробности убранства станции.

В глазах роились свастики, остроклювые орлы и плакаты с призывами положить жизнь на алтарь великой миссии фильтрации населения метро. Толик заметил лишь несколько свидетельств того, что когда-то Чеховская была совсем другой: жалкие остатки панно на путевых стенах, изящный полукруг изгиба ободанных пилонов...

Фашистам было не просто плевать на то, что осталось от станции. Они целенаправленно уничтожали следы прошлого, выдержавшие испытание временем. Если, например, содрать с пилонов мраморную облицовку было проблематично, то ее старательно исписывали угрозами, адресованными «расово неполноценным».

Варварство здесь культивировалось и поощрялось. В глубине души Томский надеялся, что со времени его последнего визита обитатели Рейха хоть немного образумились. Наивные мечты! Лучшее всего ситуацию в Рейхе иллюстрировала мохнатая веревочная петля, болтавшаяся на одной из люстр.

Стараясь не задеть плечом кого-нибудь из обитателей Чеховской, Толик добрался до лестницы бокового перехода в центре зала. Протиснулся между стеной и троицей фашистов, обсуждавших последние новости. Мельком успел рассмотреть довольно колоритную компанию. Толстому, отрастившему тройной подбородок офицеру было явно жарко в черном кителе из плотной материи. Две верхние пуговицы он расстегнул так, что стала видна волосатая грудь и край грязной, некогда белой майки. Обмахивая потное лицо фуражкой, он поучал подчиненных. Два молодца в черных беретах вытянули тонкие жилистые шеи и ловили каждое слово наставника.

Уже в переходе Толик замедлил шаг, а затем и вовсе остановился. Сделав вид, что роется в вещмешке, он ловил обрывки долетавших фраз.

– Что ты знаешь о черножопых, дурья твоя башка? Узбеки и прочая азиатская сволочь нынче не в моде. Мы недавно настоящих черных гоняли. Вот это было веселье!

– А настоящие, это какие, герр гауптман?

– Негры, мой мальчик. Таких и проверять на расовую принадлежность не надо. Рожи – почти фиолетовые. Губищи вывернуты, патлы – курчавые. Я одному пулю в лоб всадил и специально проверил, какого цвета кровь у негритосов. Думал, черная, как морды. Не-а – самая обычная...

Томского буквально затрясло от ненависти, и он дернул на себя веревку вещмешка с такой силой, что та лопнула.

Глава 6. Корбут во сне и наяву

В эту минуту Томский был озабочен только одним – поскорее выбраться за пределы Рейха. Какое счастье, что в свое время он сподобился изучить чертежи станций Рейха, хранившиеся у полковника Сычева на Арбатской! Думал, для общего развития, а оказалось – с большой для себя пользой. Если бы сейчас он начал метаться в поисках дороги, то обязательно услышал бы еще что-нибудь подобное и вряд ли смог бы сдержаться.

Толик быстро прошел по безлюдному переходу, прыгая сразу через несколько ступенек, пробежал по обездвиженному эскалатору. Вот и поворот, за которым должна быть лестница, ведущая к Пушкинской. На выходе документы, скорее всего, проверять не станут, и он окажется в туннеле. Оставит позади садистов, проверяющих цвет крови негров самым надежным из всех способов – выстрелом в лоб. Интересно, а какая кровь у распухшего от жира борова, которому самое место на свиноферме, среди своих братьев по разуму? Наверняка черная, как и его вывернутые наизнанку гнилые мозги.

Толик так спешил покинуть территорию Рейха, что, выйдя на Пушкинскую, лишь скользнул по ней взглядом и, не останавливаясь, свернул в ближайшую арку и прыгнул на пути. Скоро станет легче, уже за блокпостом, а миновав трехсотый метр, он окончательно выбросит фашистов из головы.

Томский слышал за спиной стук сапог по плитам платформы и гул голосов, в котором различил несколько женских, но намеренно смотрел только на путевые стены. Фашистская традиция при любом удобном случае напоминать поданным Рейха об их первостепенных задачах и высокой миссии проявилась здесь во всем великолепии. Под лозунгами и воззваниями, написанными на сером картоне и просто на мраморной облицовке, с трудом различались следы старого названия станции и контуры мозаик, некогда радовавших взгляды пассажиров.

Лозунгов было много, но внимание Толика привлек один: «Мы – лишь оружие в руках высшей необходимости. Адольф Гитлер». Это походило на оправдание: во всем виновата необходимость, а мы – белые и пушистые. Фашисты ссылались на изверга из прошлого, чтобы подвести идеологическую базу под свои нынешние зверства. Дикая, понятная только самим обитателям Рейха логика.

Ряды мешков с песком были совсем близко, когда Томский почувствовал неладное и напрягся, пытаясь понять, откуда взялось предчувствие опасности. На первый взгляд поводов для беспокойства не было. В проход между мешками только что пропустили двух человек. Насколько успел заметить Толик – без проверки документов. Солдат в камуфляже и офицер в черном кителе болтали о чем-то своем. Они даже взглядом не удостоили уходивших в туннель транзитников. Так что же было не так?

Томский еще раз проанализировал свои ощущения и понял – все дело в толстомордом офицере, которого он нокаутировал во время их последней встречи. Этот старый знакомый хоть и стоял в пол-оборота, но спутать его с кем-то другим было невозможно. Судьба, а точнее злой рок, послала его в самый последний момент, когда Толик уже считал, что первый этап пути пройден.

«Не паниковать! Проскользнуть так, чтобы не привлечь к себе внимания».

До прохода между рядами мешков оставалось пара метров, когда офицер обернулся. Судя по улыбке, он болтал с солдатом о чем-то веселом, однако при виде Томского улыбка медленно сползла с его лица, сменившись недоумением. Толик ускорил шаг и сунул руку в карман. Ничего, что там всего лишь безобидный нож. Фашист ведь этого не знает.

Рука офицера поползла к кобуре, а пальцы нервно задержались, нащупывая застёжку клепана. Еще шаг – и Томский приблизился к фашисту вплотную. В упор посмотрел на него и чуть слышно, одними губами прошептал: «Сейчас убью».

Офицер поверил. Лицо его посерело, рука вернулась в прежнее положение, и он отступил в сторону, пропуская Толика. Первый раунд психологического поединка остался за Томским. Теперь следовало закрепить это достижение: ни в коем случае не ускорять шаг. Ни малейшим жестом не выдавать своего беспокойства. По крайней мере, первые два десятка метров. Чтобы принудить вести себя как ни в чем не бывало, Толик шепотом начал считать шаги. Произнести слово «пятнадцать» до конца он не успел.

– Стоять, су-у-ука!!! – К загипнотизированному фашисту вернулась не только смелость, но и способность визжать.

Толик побежал, по пути оттолкнув пару опередивших его путников. Позади зашлись воплями уже несколько человек.

Одиночный выстрел. Автоматная очередь. Топот сапог по шпалам. Прыгающие огни фонарей. На бегу пограницы вряд ли смогут хорошо прицелиться. Для этого им потребуется остановиться, а значит, дать ему фору. Новая стайка пуль вспорола воздух над самой головой, зазвенела, заискрила о тюбинги. Лишь бы рикошетом не задело! Некоторое время Томский, качая маятник, метался от стены к стене, затем помчался по прямой. Если не снижать темпа, то до Кузнецкого Моста он доберется быстро.

Прикинув запас своей прочности, Толик решил поднажать, но в эту секунду что-то липкое и холодное хлестнуло беглеца по лицу... Толик машинально смахнул это «нечто», но новая порция вонючей дряни тут же залепила ноздри. Отплевываясь и трясая головой, Томский остановился. Теперь он мог определить место, где пряталось существо, не пускавшее его вперед, и поднял глаза. Темный шар покачивался прямо над головой, прилепившись к ребрам жесткости тюбинга. Целых четыре темно-зеленых и одинаково выпученных глаза – два маленьких, два больших, изучали человека. Такой же четырехглазый комок болтался на своде туннеля метрах в пяти от первого.

Томский попятился и рухнул ничком от жестокого удара автоматным прикладом в спину. Фашисты не смотрели вверх. Их внимание было всецело поглощено беглецом. Под градом ударов, прикрывая голову руками, Томский перевернулся на спину. Сейчас фашисты интересовали его меньше, чем твари на своде туннеля. Уже теряя сознание, Томский отметил, что точек стало восемь, а затем их число неожиданно убавилось до двух. Теперь это были человеческие глаза. Секции тюбингов извивались и дрожали, пока не вспучились, трансформируясь в чугунное лицо профессора Корбута. Он злорадно смотрел на поверженного врага сверху.

– Я нашел тебя. – Корбут осклабился. Из черной щели между губами потекла слюна. Она стекла по подбородку, загустела и вытянулась, превратившись в липкую, полупрозрачную бечеву толщиной с палец, свисавшую со свода туннеля. – Скоро ты встретишься с моим сыном, и вы обсудите накопившиеся противоречия...

Толик увидел, что туннель напрямую сообщается с поверхностью. Он и туннелем-то уже не был. Чугунные секции тюбинга, образующие свод, отсутствовали. Толик видел свинцово-серые облака, с величавой медлительностью плывущие по небу. Слышал завывание ветра, который то наталкивался на бетонные обломки, то отступал, чтобы в следующую секунду обрушиться на эти останки цивилизации с новой силой. Поскольку оба выхода из расколотого туннеля были перекрыты кирпичными стенами, оставался только один путь – вверх. Ребра жесткости тюбинга могли служить ступенями. Томский попытался встать, но почему-то каждое движение сейчас давалось ему с трудом. Он с головы до ног был покрыт какой-то липкой мерзостью, состоявшей из толстых полупрозрачных нитей, свисавших со стен и исчезающих наверху. Толик напрягся, пытаясь разорвать путы, но, как только пошевелился, нити резко натянулись.

Сопротивляться этому натяжению Томский не мог. Невидимая и непреодолимая сила заставила его встать и сделать несколько шагов. В одну сторону, затем – в противоположную. Вой ветра сменился злобным хохотом. Толик поднял голову. Небо заслонила гигантская, слепленная из бетона и чугуна рука. Нити, опутавшие Томского, были привязаны к огромным паль-

цам. Когда те шевелились, движение передавалось конечностям Толика. Он почувствовал себя марионеткой в руках кукловода.

– Танцуй, дружок! – гремело сверху. – Развлекай меня! Иди туда, куда прикажут! Другого выхода у тебя нет!

Толик извивался, рвал нити зубами, потом руками и, в конце концов, рухнул на рельсы.

– Видишь ли, дружище, развлечений в Рейхе немного, а тех, кто способен развлекаться нормальными способами, – еще меньше, – вещал кто-то тягучим и монотонным голосом с убаюкивающими интонациями. – Это другой мир. Он отличается от подземелий метро так, как метро отличается от верхнего мира. Здесь собралось все отребье. Изгои, которых отвергли на других станциях, сволочи от рождения и те, кто из страха перед будущим живет только настоящим. Но... Те, кто думают, что белая повязка со свастикой делает существование простым и беззаботным, сильно ошибаются. Ты попал в заколдованный треугольник Рейха. Приняв однажды правила игры, ты из нее уже не выйдешь. Здесь все заражают друг друга ненавистью и страхом. Прокаженная территория... Она капля за каплей выдавливает из людей все человеческое, а пустоту заполняет такое, чему и названия нет. Что-то похожее на ржавчину, разъедающую изнутри. Это невыносимо больно. Требуется лекарство, наркотик, притупляющий остроту страданий. Рейх изобрел его. Когда становится совсем неспособен, фашисты организуют карательные экспедиции. На каждой станции найдется свой подонки, который за три десятка патронов и пару бутылок самогона оповестит Рейх: там-то и там-то кучкуются недочеловеки. Получив благую весть, фашисты тщательно разрабатывают операцию. С картами и прочей дребеденью. Наверное, чувствуют себя диверсантами, готовыми к заброске за линию фронта. Желающих попасть на охоту так много, что приходится становиться в очередь. Ха! Они напоминают молодых японцев, которые в конце Второй мировой мечтали получить белый шарф камикадзе. Только там отбирали самых достойных, а здесь – ублюдков высшей пробы...

Томский наконец понял, что человеческий голос, рассказывающий о подноготной Рейха, ему не чудится.

– Эй ты, философ, заткнись! Дай парню очухаться!

Второй голос был хорошо знаком Толику. Настолько хорошо, что сознание вернулось поразительно быстро. Томский открыл глаза. Лицо склонившегося над ним человека распухло от побоев, но показалось ему знакомым. Хотя под глазами лиловели огромные, во всю щеку, кровоподтеки, губы кривились в знакомой ехидной улыбочке.

– Аршинов, черт бы тебя подрал! – прохрипел Томский. – А я о тебе все время вспоминал.

– Рад, что хоть кто-то помнит. Давай-ка, помогу подняться!

Глава 7. Ich sterbe!

Ночь в Берилаге тянулась дольше, чем в других местах. Она была бесконечна. Тусклые лампочки гасли, и источником света становились только всполохи костров, разожженных часовыми на огневых точках, да свет фонарей охранников, обходящих клетки на платформе. Не слишком-то шумный и днем, концлагерь погружался в тишину. Поначалу она казалась Елене абсолютной, но постепенно девушка смогла различить множество звуков, которые в обычной ситуации человеческое ухо могло и не уловить.

Конечно, гигантское чудовище по имени Берилаг до конца уснуть не могло. Оно только забывалось в тягостной полудреме. Его дыхание было дыханием спящих узников. Его движения – движениями людей, которые ворочались на своем жестком ложе. Иногда постанывали, чаще – спали беззвучно. Настолько, что сон этот мало чем отличался от смерти. А еще Берилаг имел свой, особый запах: пахло мерзким варевом, которым кормили заключенных. Пахло потом, мочой, испражнениями. Это был запах отчаяния и обреченности.

Елена сидела в углу клетки. Обхватив руками колени и положив на них подбородок, девушка думала о своем ребенке и его отце. В том, что Толя придет на помощь, она не сомневалась. Просто прошло слишком мало времени, и он не успел добраться до конечной станции Красной Линии. Возможно, он появится здесь уже через несколько часов, возможно – завтра. Никак не позже. Он избавит ее от кошмара, разобьет банки сына профессора Корбута о его голову, освободит узников и обнимет ее так, как только он один умеет делать, крепко и нежно. Иначе и быть не может. Чутьочку терпения.

Девушка вытерла выступившие на глазах слезы. Мелькнул луч фонарика, послышались шаги охранника. Он остановился у темницы, посветил внутрь. Елена прикрыла глаза рукой. Что ему нужно? К чему такая бдительность? Неужели этот урод думает, что она станет тратить силы на то, чтобы перепилить решетку? Идиот! Ей это не потребуется. Когда придет время, эта чертова решетка...

Охранник наклонился в замочной скважине, воткнул в нее ключ и с трудом повернул. Елена разглядела его нарукавную повязку: на красном фоне через трафарет были отпечатаны белые буквы «ОИТЛag им. тов. Берия». Сокращенное название лагеря. Замок открылся, и охранник, оставив свой автомат и фонарик снаружи, вошел в клетку. Никаких приказов и сопутствующих им оскорблений. Человек в камуфляже и сером берете улыбался Елене, демонстрируя гнилые черенки зубов во рту. Выражение маленьких пороссячьих глаз было красноречивее любых слов. Она встала и сжала кулаки, готовясь защищаться.

– А ты ничего, – охранник сделал шаг вперед. – Совсем не похожа на худосочных стерв, что сидят в соседних клетках. Они тоже предательницы, и любой из нас может делать с ними все, что захочет. Но что толку? Берилаг успел выжать из этих баб все соки. Иметь с ними дело не интересно. Это то же самое, что ощупывать полено. А вот ты – другая. Свеженькая. Все равно скоро сдохнешь, так почему бы не побаловаться напоследок? Хочешь попробовать настоящего мужика? Обещаю, что буду ласковым. Очень ласковым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.